

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

ТРИ БРАТА

ПОВЕСТЬ

1

Призрачный свет луны едва проникает под своды дубравы. Сторожко ступает конь по тёмной тропе. Сторожко вслушивается в ночные звуки всадник, больше привыкший к степному простору.

— Тпру-у, стой-ка, мил человек, — из темноты будто соткалась коренастая фигура. Крепка рука нежданного гостя — прихватил под уздцы, и конь сразу встал, заперетапывался.

Правая рука наездника скользнула вниз, к голенищу... Успел — сверкнул клинок, но уже перехвачено петлёй горло седока. Это сверху, с ветви, над тропой нависшей, удавку кожаную накиннули и подёрнули.

— Пропорол шапку-то, чуть бы ниже, и всё... Не сразу и вынешь, как метнул-то, — тот, что остановил коня, выдернул узкий засапожный нож из ствола дуба. Коня он всё так же надёжно сдерживал правой рукой.

Безжизненное тело седока рухнуло на землю, а следом по-кошачьи мягко прыгнул человек, припал ухом к груди удушенного.

— Жив. — Той же кожаной удавкой связал руки захваченного человека, быстро обшарил одежду. — Кольчужка. Наша, кажись, московская.

— Ты хоть шею ему не свернул, Терёха? — первый подошёл, склонился тоже над безжизненным, с тёмным рубцом на шее телом.

— Нет. Очухается... Так, стой-ка... Глянь-ка, грамотка! Не ошиблись мы с тобой, Семён. — Глянул на печать и добавил: — Ордынская грамотка-то.

ЕРМАКОВ Дмитрий Анатольевич родился в 1969 году в Вологде. После школы служил в армии, занимался спортом. Рассказы публиковались в журналах "Наш современник", "Алтай", "Подъём", "Москва", "Воин России" и других. Работает тренером по дзюдо. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Семён тут же снял с пояса фляжку, из бересты плетёную, брызнул в лицо пленному, и тот распахнул ошалело глаза, но голос подать не успел, зажали ладонью рот и кляп тряпичный всунули.

— К Трофимычу надо его, да поскорее, давай, Терёха, не мешкай.

Ноги пленному спутали, поперёк седла перекинули и двинулись пешим, сперва по тропе, а потом свернули, вброд перешли речку и к рассвету были уже на заставе пограничной.

Высмотрели они этого молодца ещё днём на постоялом дворе в Погорелове — большом проезжем селе, где и сами изображали бражничавших после удачной сделки купцов-товарищей. Намётанным глазом и кольчужку лёгкую под простой одежкой определили; и выговор, хоть и чисто русский, но не местный и не московский приметили — так говорят долго жившие среди чужого языка люди. Ну, то, что скуластый и глаза чуть раскосые — так это вон и у Терёхи. Не зря сказано: потри русского — найдёшь татарина. Да и татары разные бывают — взять хотя бы касимовских — верны Великому князю московскому, отважные воины, грозная сила русского войска. А те же новгородцы — по крови хоть и русские, а литовцам католикам продались, не зря Иван Васильевич и ходил на них дважды...

Чутьё опытных разведчиков подсказало — этого брать надо и не церемониться. Взяли и не ошиблись.

Воевода Иван Трофимович Балашов, едва грамоту увидев, понял её важность, вскрыл не мешкая — имел право такое, самим государём Иваном Васильевичем жалованное.

Писано было по-русски, ибо русским языком владели как татары Золотой Орды, так и жители Литвы. Хан Ахмет писал великому князю литовскому Казимиру, призывал его как союзника к походу на Москву осенью сего года. Местом же соединения войск предлагал Серпухов.

То, что ордынцы к походу готовятся — разведка давно доложила. Табуны из дальних улусов к Сараю подгоняют, арбы чинят, провиант собирают. А вот на кого — то ли на Казань, то ли на крымчаков (передрались между собой степняки после распада великой Орды), того точно не знали. И вот — ответ.

Иван Трофимович кликнул писаря.

— Пиши. Государю нашему Великому князю Ивану Васильевичу... Сия грамота перехвачена моими людьми в селе Погорелове, что на литовской стороне... Боярин твой, воевода Балашов.

Самому Ивану Трофимовичу в Москву ехать тяжеленько уже. Быстро надо грамоту доставить. И вот после обедни выехал на московскую дорогу отряд из десяти человек. Хорошо вооруженные сильные воины. Дороги не спокойны — и разбойнички шалят, и ордынские да литовские лазутчики не дремлют...

А уже через двое суток читал грамоту хана Ахмета литовскому князю Великому князь Иван Васильевич Третий.

Он помнил, как пятнадцать лет назад нападение крымчаков на Золотую орду спасло Москву от похода того же Ахмета. А не подтолкнуть ли и сейчас крымчаков либо казанцев на Ахмета? И что ответит Ахмету Казимир? Грамотка-то, наверняка, не единственная...

2

Едва заалел восток, выехали наряды на смену дозорных, дежурящих на смотровых высотах — ближняя в версте от заставы, вторая верстах в трёх — уже на границе. Дозорные должны первыми увидеть опасность и подать сигнал — днём пустить столб чёрного дыма, ночью веполошить большой, издали видный костёр.

Вскорости конюхи погнали лошадей с ночного к реке, куращей туманом, на водоной. Заглубили петухи на посадке. Сторожа из башенок повывлазили, заходили по всем четырём стенам крепостцы, запереключивались: “Славен град Москва!”, “Славен град Ярославль!” Просьшались дворовые и служивые люди боярина воеводы Ивана Трофимовича Балашова.

Встал и сам старый воевода. Ближайшего своего советника и помощника Киришу Даниловича кликнул.

— Что татарин? — спросил его.

— Молчит, — со вздохом ответил Кириша.

— Крепок, видать, духом — у тебя да у Савелия не больно-то помолчишь...

Говорили о посланце хана Ахмета, перехваченном разведчиками трое суток назад.

Прошли во дворовую церковь священник, дьякон и звонарь. Вскоре ударили к заутрене колокол, ему вторил колокол посадской церкви...

Терёха едва заутреню отстоял (правило жёсткое у Ивана Трофимовича — все дворовые да служивые, от воинских нарядов и дворовых работ свободные, в церкви на службе быть должны), так и подмывало его на посад убежать. И вот, крест поцеловавший и миром помазанный, за церковные ворота выскочил, бегом-бегом к крепостным воротам заспешил. Тут его дружок-приятель Семён Жилов и прихватил — старший над караульщиками был нынче:

— И куда это, как наскипидаренный? — алебардой путь преградил.

— Твоё дело десятое. Тебе нынче службу тянуть, а мне девок иметь.

— Ах ты, греховодник!..

— Ты у нас за всех праведник.

— Так уж и быть — грех твой отмолю, — смиренно потупил глаза товарищ боевой Семён. — Да только ты, видать, забыл приказ воеводский: из крепости либо по службе, либо через борьбу.

— Ну, ты и злыдень, Семён! Так выходи ж на смертный бой! — ослабля кушак, будто бы со злобой Терентий выкрикнул.

— Нет, мил человек, ты сперва моего меньшого брата побори. Иван, иди-ка сюда! — Из караулки вышагнул дородный детина, румянощёкий, чуть не трёх аршин росту, с кулаками-кувалдами и по-девичьи застенчивый. Парень только приступил к службе — новобранец.

— Экий богатырь! — присвистнул дурашливо Терёха. — Быть бы целу. Да что ж делать — раз приказ через борьбу, судьбу попытаю. А не судьба так не судьба. — Всё это проговаривал Терёха, а сам при этом похаживал, притопывал, руки потирал, обхватывал сам себя так, что правой ладонью левой лопатки доставал и наоборот, голову то в одну то в другую сторону резко поворачивал, рукава засучивал. Он будто исполнял какой-то танец... И вдруг встал, ногой топнул, чуть согнулся, ноги пошире расставил и слегка присел, руки с растопыренными пальцами чутко вперёд выставил. Глаза его сузились, скулы вздулись, и стал он совсем похож на татарина.

— Не бойсь, Ваня, давай, как я тебя учил, — подбодрил парня Семён.

Иван тоже подобрался, напрягся, двинулся на Терёху, а тот не отступал. И вот уже Иван обхватил его, подмял.

— Давай, Ваня! Жми!

Падает Терёха, и тяжкая богатырская туша Ивана валится на него, но выскользнул в сторону в последний момент, успел ещё и ногу барьером выставить, да руками за кафтан продёрнул. Иван кувыркнулся через голову и грохнулся на спину, но сразу же, как подпружиненный, вскочил. Но и Терентий не отступал, ждал его и, едва парень поднялся, высек своей левой его правую ногу и за рукав дёрнул. Снова упал Ваня. И снова поднялся — теперь уж осторожно — пошире расставляя ноги, полусогнувшись, и злоба в глазах настоящая зашаяла, совсем не подходящая, казалось бы, добродушному его лицу. Да и у Терёхи глаза уже, как пчёлы злые, гляди — ужалят!

И снова сошлись, ухватили другу друга за одежду, и перехватывается Иван за кушак Терентия, чтобы, обхватив за спину — переломить его и свалить, смять... И опять ускользнул Терёха, вернее, будто бы и поддавшись, начал гнуться назад, но вдруг резко развернулся, прихватив правую руку Ивана себе на плечо и перекинул его через спину... По написаным правилам — трижды улавший и перекинул.

— Эх ты, Иван, Иван, — Семён хлопнул шапку оземь. — Смотри, как надо-то!..

Терёха к нему обернулся, присел на широко расставленных ногах, руки выставил — пальцы как сучки твёрдые, готовые схватить противника за одежду, а то и прямо за кожу.

Семён увидел его взгляд — всерьёз разозлился парень. А вот тебе, раз злишься! Будто бы за ворот взять хотел, но на самом деле по-медвежьи с размаху лапицей по шее хлестанул Семён Терентия. Тот всё же уклонился, и шленок вскользь пришёлся, иначе вряд ли бы устоял более лёгкий, точавый в кости Терёха. Уклонился и вбок ушёл — и вроде бы борцовскую подсечку сделать хотел, а на самом деле под колено Семёна пнул. Долг платежом красен! Дрогнула нога Семёна, но не подогнулася. Развернулся и ухватил всё же Терёху ручищами. Он-то, Семён, знал повадку Терентия, силой ломить не стал сразу. Закрутились они будто в пляске, схватив друг друга за одежду. Семён первым подножку выставил, Терёха ногу успел перешагнуть, нырнул под руку противника, вплотную к Семёну прижался и, обвинив его ногу своей, повалился на него. Упали вместе, Терёха на Семёна. Но тот, более сильный и тяжёлый, сразу друга-сопротивника перевернул, сам стал наваливаться. Ещё бы чуть-чуть, и прижал Терёху к земле, так, что тому бы не вырваться. Но Терентий опять, как уж, выскользнул из-под него, первым вкочил, но не бросился снова бороться, а неожиданно оттолкнул наблюдавшего за борьбой Ваню, ещё одного привратника и выскочил за ворота, не оглядываясь побежал к домам посада, слыша вдогонку сердито-добродушный голос Семёна: “Обратно не пустим! Так и знай!”

Деревня в эту пору вся на сенокосах, только малые да старые во дворах. “Как бы Ульянов-то вызвать?” Вон их хата... В дорожной пыли копошится белоголовая мелюзга. Рыжий петух бойко гонит по двору курицу... Старый пёс спит на припёке.

— Эй, пострел! — окликнул Терёха ближнего мальчонку. — Подика сюда.

Малец подтянул порточки, подошёл смело.

— Как звать-то тебя?

— Егор, — серьёзно ответил мальчишка.

— Где ваши-то косят?

— Тама, — кивнул Егор в сторону речки.

— И Ульяновка тама? — с усмешкой Терёха спросил.

— Да.

— Позвать можешь? — заговорщицки понизил голос Терентий.

— Дедко не пустит.

Терёха только сейчас увидел сидевшего под стеной хаты на завалине седобородого старика. Тот вроде бы и дремал, но Терентий знал — всё видит и уже за ним наблюдает.

— Здравствуй, дедушко, — пошёл к нему парень. — Скажи-ка — погода-то постоит ли ещё? Не ломает кости-то?..

— Ведро будет. Ишшо три дня, — твёрдо ответил дед. — Чего надо-то? Ульяновку?

— Да.

— Егорша! — окликнул дед внука, а может и правнука. — Беги, скажи, что я Ульяновку зову! — скомандовал.

Мальчонка вмиг подхватился и убежал, мелькая чёрными пятками, оставив в тёплой дорожной пыли братишек и сестрёнок.

— Вот так, — довольно сказал дед. — А ты скажи-ка, служивый, как зовут тебя? Я уж давно тебя приметил.

— Терентий, дедушка. А тебя-то мне как величать?

— Василий Третьяк я. От меня-то и все они Третьяковы, — кивнул на мелюзгу, попискивающую теперь на лужайке перед хатой. — Ты скажи-ка, Терентий, спокойно ли на границе-то? От кого брани ждать — от татар или от литовцев?

— На границе, дедушка, спокойно. А брани мы ото всех ждём, для того тут и застава стоит...

— Ладно, иди, у околицы Ульяновку встретить, да не лапай девку раньше-то времени... — И ещё, уже вслед уходящему Терёхе, недовольно сказал: — Уж и гулянья-то дождать не можете, середь бела дня шастаете.

— Так служба, дед Третьяк, — бойко откликнулся Терёха. — Она нам время выбирает, не мы ей! — и почти побежал к околице.

— Знаю, сам служил, — уже ни к кому не обращаясь, пробурчал дед и снова будто бы уснул.

Терёха за околицей под широким ракиновым кустом в тени уселся. Светлый родничок бил тут из земли. В промытой ямке с песчаным дном собиралась вода, и едва заметным в траве ручьём бежала к реке, берестяной черпачок тут же на воткнутой в землю вичке висел. Терентий зачерпнул воды, с наслаждением напился...

Вскоре пробежал обратно в деревню Егорка. За ним торопилась и Ульянка.

— Уля, — окликнул Терёха.

Девка, увидев его, сразу всё поняла, зарделась даже и сквозь загар.

— Что ж ты меня позоришь-то, бесстыдник? — уже нырнув в тень куста, вроде бы сердито проговорила.

— Когда ещё увижу-то. Вечером в наряд. А там, Бог знает — не спойно в поле, похоже, татаре на нас собираются...

Обнял девушку, потянул к себе...

— Да погоди-ка, — оттолкнула Ульяна. И Терёха тут же увидел облако пыли на дороге посреди посада. Вот облако остановилось, на мгновение осело, и стал виден всадник. Терентий узнал сослуживца Гришку Ухова. Он что-то спрашивал у старика. Дед Третьяк махнул, и Григорий погнался прямо к раките.

— По мою ведь душу, — сказал Терёха и, не дав Ульяне обернуться, силой притянул её к себе и поцеловал в губы.

— Что ты, лешой...

Но Терёха уже не слушал её, выходил на дорогу.

— Прыгай за спину, Терентий! — крикнул, не спешиваясь, Гришка Ухов.

— Пожар, что ли? — недовольно откликнулся Терентий.

— К воеводе, да побыстрее!

Ульянка зажала плач ладошкой.

— Ты жди меня, — уже сидя за спиной Григория, сказал ей Терёха. — Я вернусь, сватов зашло. Жди!

3

— Дело тебе поручаю, Терентий, огромной важности, — говорил воевода Балашов. — Верю в тебя. Ты мой лучший лазучик. Может, к этому делу и готовили тебя всю жизнь. Опасное дело. Грамоту Великого князя и Государя нашего доставишь самому крымскому хану Менгли-Гирею. Дойти должен живым до него, в самое кратчайшее время. Если ответ будет — доставить мне. Обговорите всё с Киришей Даниловичем, и, не мешкая, отправляйся. — Иван Трофимович поднялся из-за стола, раскрыл ларец искусной работы, достал грамоту, скрепленную государевой печатью. — Спрячь. Ступай с Богом.

Терёха грамоту с поклоном принял, тут же за пазуху под рубаху убрал.

Выйдя из воеводской горницы, мимо часового спустился во двор и отправился в стоявшую тут же рядом избу, к старшему писарю по должности и первому советчику и помощнику воеводы во всех делах Кирише Даниловичу Ермолаеву. И до поздней ночи светился огонь в окне — всё досконально, со всеми возможными поворотами и неожиданностями предстоящего дела продумывали и обговаривали Кириша Данилович и Терентий.

Немного и поспать-то времени оставалось у Терёхи, но он ещё вызвал из караульного дома друга своего Семёна Жилова.

— Ты чего, Терёха? Чего не спится-то?.. Зачем воевода-то тебя звал?

Говорили они вполголоса, сидя на пороге пустой конюшни — лошадей за посадом в лугах пасут.

— Уйду я на заре. Далекое уйду. Дело нелёгкое. Даст Бог — свидимся, а всё ж надо нам, Семён, попрощаться. Так что — прости если что...

— И ты прости меня. Долго ли ходить-то будешь?

Терёха не сразу ответил, видно, прикидывая срок:

— Ежели всё получится, то к осени вернусь, — ответил.

— Да, путь-то и впрямь неблизкий... Вот что, давай-ка, Терентий... — Тут Семён отогнул ворот рубахи и снял с себя нательный крестик серебряный на крепкой бечеве.

Терёха понял его, снял свой кипарисовый крестик. Обнялись.

— Ну, прощай, брат, не поминай лихом, пойду я собираться в путь... — Он запнулся, но все же сказал: — Как вернусь, будь моим сватом. К Ульяне. Третьяковой.

— Добро. Пстой-ка, — остановил его Семён. Ушел в караулку, вернулся: — Вот, возьми, — и протянул Терёхе нож кованый, засапожный, с берёзовой, простой, но прочной рукоятью, выпрашивал его давно Терёха, да Семён ни в какую не давал...

— Спасибо, брат, — взял нож Терентий и за голенище левого сапога сунул. На том и расстались крестовые братья. Семён пошёл караульных от дремы отваживать, посты проверять, а Терёха в дом, где жили-спали неженатые, свободные от нарядов пограничники. Собрать вещички да поспать чуток перед дорогой.

...Ещё солнце лишь угадывалось в подрумянившемся небе над заречным лесом, уже Кирша Данилович Ермолаев одного за другим выпустил за крепостные ворота трёх всадников, поскакавших в разные стороны...

Терёха же по тайному подземному ходу вышел в овраге за посадом, спустился к реке, столкнул на воду лёгкую долблёнку и уже к полудню, не выгребая в Оку, приткнулся к берегу, до Оки пешим дошёл и оказался на самой границе. Долго в тот берег взглядывался, видел, как проехал конный дозор. Не разводя огня, перекусил и напился из фляги. Ещё осмотрелся во все стороны и уснул в высокой траве под кустом. Теперь надолго — ночью ему передвигаться, днём — прятаться да отсыпаться...

Предосторожности, предпринятые воеводой Балашовым и помощником его Киршей Ермолаевым, не были излишни...

Ещё только-только в Москве в великокняжьем дворе был перебелён текст послания крымскому хану, а уже список с этой грамоты начал своё движение в Литву и Золотую Орду.

И уже на третьи сутки читал список этой грамоты сам литовский князь Казимир. И теперь он понимал, что совершенно необходимо обнаружить и поймать тайного посланника русских в Крым. А путь его мог лежать только через Литву или владения Золотой Орды. Но путь через Орду более долгий и не менее опасный, поэтому, скорее всего, через Литву.

Приграничная разведка была извещена. И как раз в тот вечер, когда Терёха и Кирша Данилович обсуждали детали предстоящего дальнего путешествия, не менее трёх литовских лазутчиков наблюдали за крепостью.

И за каждым выехавшим в то утро за ворота крепости всадником незаметно устремился литовский лазутчик...

4

Терёха лежал, подложив под голову старый кафтанишко. Можно было бы даже и поспать перед ночными трудами, но не спалось. Думалось всякое, вспоминалось...

А помнил он себя уже Терёшкой, мальчишкой, которого считали своим все пограничники на заставе. Другие мальчишки в этом возрасте (три-четыре года) ещё без порток бегают, а у него уже, как у всякого воя, и одёжа была настоящая, и сапожки, и ножик, и маленькую сабельку для него сковали... И считал он себя, по малолетству, равным этим большим сильным людям и не знал другой, кроме пограничной ратной службы, жизни...

...Терёха приподнялся на локте, огляделся — тихо, пустынно: зелёные прибрежные кущи, разноцветно-зелёный дуг, пологие холмы, поросшие дуб-

равами... Только деревенских крыш на много вёрст не видно, только не пахнет чернозём вольный оратай — на самом деле не тихий да красивый это край, а огневое, кровавое пограничье — то татары, то литовские рати совершают набеги вглубь русской земли, сколько раз и до самой Москвы-матушки...

Ему ли, Терёхе, и не знать это... Из более раннего, до заставы, детства помнил он: что-то далёко-прекрасное, родное и доброе, дающее покой и пищу, счастье и радость, недоступное, непонятное даже... И только когда подрос, увидел, как люди в семьях живут, понял, что вспоминалась ему родная деревня, изба, мать, отец, кажется, были и дед, братья и сёстры... Потом было много огня, конники в чёрных шапках, крики и плач...

Он долго, лет, наверное, до семи, боялся огня, и говорил — будто камни языком ворочал. Заикался.

...Птицы заливались, свистели, трещали, вскрикивали у воды, жужжал над ухом толстый шмель... Но этот тонкий вибрирующий звук мог отличить Терёха в любое время, в любом состоянии — днём, ночью, пьяный, сонный... Он мгновенно перекатился, и в тот же миг, убойно прошив скомканный кафтан, ткнулась метившая ему в глаз длинная оперённая стрела. Не поднимаясь, откатился под защиту прибрежного ивняка. Сунул руку под рубаху: там прочным сыромятным ремнём приторочена к телу кожаная накрепко зашитая сума, ещё и жиром от воды промазана — государева грамота в ней.

Вторая стрела, теряя в ветках и листве силу лёта, прошелестела над головой и застряла в ветвях.

Терентий лежал не двигаясь. Он успел засечь место, откуда вылетела вторая стрела — берёзовый колок на взгорке над прибрежной луговиной. Солнце стояло прямо над этим взгорком, слепило глаза, да и листва берёз сливалась в единое зеленоватое трепещущее на ветерке марево — ничего не разглядишь.

Не дождавшись третьей стрелы, Терёха достал из ветвей стрелу, оглядел, хмыкнул и сунул за сапог, рядом с ножиком. Пробитый стрелой кафтан пришлось оставить. Не выходя из кустов, прошёл до устья впадавшей в Оку речушки. Затаился. Стал ждать. И дождался своего — уловил движение там, в высокой прибрежной траве, рядом с его причаленной, скрытой камышом и кустами лодкой. Кто-то устраивался там, ждал его...

Где ползок, а где бесшумным неуловимым шагом обошел Терёха своего караульщика... Вон он, видна широкая спина, стриженная под горшок светловолосая голова — русский мужик-то. А вот и конь где-то неподалеку всхрапнул...

Терентий кинулся на врага, сразу подмявая всем весом, обхватывая шею рукой. Попытался тот перевернуться — да куда там, как рысь вцепился в него Терёха. Отпустил шею, только почувствовав, как начали обмякать сильные мышцы, рывком развернул супостата лицом к себе.

— Иван?.. — Вот уж чего не ожидал Терёха, хоть и показалась ему ещё издали чья-то похожа фигура, да и стрела... Их стрела-то, пограничная...

Хлестнул его по щекам:

— Кто послал тебя? Кто?

Детина приоткрыл глаза... И вдруг, оттолкнув Терёху, попытался вскочить, скользнув рукой при этом к голенищу... Опередил его Терентий — в шею под ухо стрелу засадил с такой силой, будто из лука выпустил.

Он не стал ждать сумерек (а то можно было и ещё какой-нибудь неожиданности дожидаться), сел в лодку и, не таясь, наудачу, переправился на другую сторону Оки.

Причавив, сразу огляделся, послушал чутко тишину вокруг себя... Вытащил на берег лодку, перевернул, сунув под неё вёсла, закидал ветками да травой...

День к вечеру завалился, и Терёха не дорогой, а крайком леса поспешал к недалёкому селу... Шёл и рассуждал: "Если Иван вражий лазутчик — то... Взят он недавно... Откуда он, чей... Из людишек Кирши Ермолаева, тому недавно сам Великий князь по ходатайству воеводы селцо с деревнями даровал... Но разве мог этот Иван самостоятельно действовать? Нет. Не мог он и знать, что я подземным ходом из крепости ушёл, ведь трое гонцов бы-

ли до меня пущены в разные стороны... Да и не мог этот Иван сам по себе из крепости выйти, тем более на коне выехать, у него ж Семён начальник, куда бы он воина отпустил... Никуда бы не отпустил. И всё же он был здесь и если бы он был чуть удачливее, то я бы этого сейчас не думал... Кирша!"

5

В крепости было неспокойно... Ещё бы — мёртвыми нашли троих отправленных утром гонцов (только боярин-воевода и Кирша Ермолаев знали, что они отвлекали от тайного гонца). А к вечеру приобрёл к крепостным воротам конь молодого пограничника, всего-то с месяц, как прибывшего на заставу — Ивана. Семён осмотрел сбрую и снаряжение, и недосчитался в колчане двух стрел... Отправлял его днём по какой-то надобности (никому в том не отчитывался) Кирша Емельянов.

— Это что ж получается, Кирша Данилович, — выговаривал своему приближенному воевода Балашов, — обложили нас. Всех гонцов твоих выследили и порешили...

— Всех — да не всех. Терентий-то жив.

— А жив ли?.. И смотри, как этих-то ребят убили, всех поблизости от крепости и оставили на виду, чтоб нашли их побыстрее... А?

Кирша пожал плечами.

— А этот Иван... тоже ведь, сдаётся мне, убит. Утром отправь людей — пусть ищут. Куда ты его посылал-то?

— Да в свою вотчинку, с письмецом к управляющему. Иван-то ведь мой, вотчинский, — вздохнул Кирша.

— Ох, не нравится мне всё это. Если вражьи лазутчики гонцов наших ждали, значит, знали о грамоте. А как могли узнать? Уж не из дворца ли Великого князя? Не там ли измена? — будто не к слуге обращаешь, а сам с собою рассуждая, говорил боярин Иван Трофимович Балашов.

...Думал и Семён. "Убить гонцов могли только те, кто наблюдал за крепостью снаружи. Причём это не мог быть один человек. Гонцов выпускал Кирша с промежутком в час, а наблюдать за крепостью надо было постоянно... Да ещё ведь и знать, хотя бы предполагать, что гонец будет не один... Значит, кто-то и в крепости есть знающий, тот, кто наружу знак подаёт. А Иван? Куда его отправлял Кирша? Почему в его колчане не хватает двух стрел? И что за грамоту, куда Терёха понёс? Не сказал ведь он..."

Из крепости в этот день отпускали лишь семейных, тех, у кого дома в посаде. Для остальных настрого выход с заставы, помимо службы, смены дозорных, запретили...

Семён женат, вечером отправился домой в посад, где ждала его жена Василиса да трое ребятюшек...

— Здравствуй, дедушка, — Семён присел на завалинке рядом с дедом Третьяком.

— Здравствуй, служивый...

— А что, дед, не гостюет ли кто у нас в селе? Я со службой-то и не знаю ничего...

— Так... гостей нет, а так...

— Чего так?

— На постоялом дворе купцов шайка, едут в Серпухов на ярмарку... Там же артель богомазов ночует... Да к Ирине-вдове казак какой-то приехал...

— Какой ещё казак?

— Да он мне не сказывался, приехал и всё...

— Зоркий ты, дед...

— Какой зоркий, совсем почти ослеп, — и глянул вдруг на Семёна молодого, озорно. — Но я ж, служивый, разведчиком был, им и остался — что не вижу, то слышу, а что не слышу, то чую... Парень, что днём уезжал, Иван, кажись, не в вотчину Кириши Емельянова правил, совсем в другую сторону повернул, как за село-то выехал...

— Ясно. Спасибо, дед. Скажу воеводе, чтоб на довольствие тебя поставил, — пошутил Семён и пошёл к своему дому, где уже заждались его...

Встал Семён едва начало размаргиваться от темени утро, солнце ещё не поднялось, а лишь чуялось в лазоревых разводах облаков. Огородом да крайком, вымокнув по пояс в росе, сторожко вышел Семён за село... Прикинул, откуда пришёл конь пропавшего Ивана — туда и устремился, внимательно вкруг себя и под ноги поглядывая. Торопился — ибо знал, что на поиски Ивана пустит поутру людей и Кириша. Надо успеть до них.

Вскоре увидел промятый конём след. По нему и двигался едва не до впадения речки в Оку. Тут у берега и увидел мёртвого Ивана. И стрела в шее из его же, Ивана, колчана... Нашёл и то место, где лодка стояла, к берегу приткнутая: примятая осока, след днища на глине. Тут же и след сапога — чёткий и знакомый. Терёха!.. Значит, он Ивана-то... Что за притча... Восстрый глаз разведчика определил и то, как крался к этому месту Терентий, по его следу и к берегу Оки вышел и под кустом с краю прибрежной полянки увидел пробитый Ивановой стрелой старый Терёхин кафтан.

Тут всё ясно стало Семёну. Непрост оказался этот увалень Ваня. Впрочем, меткой стрельбой и силушкой он сразу отличился. Не зря, ох не зря его из вотчины на заставу Кириша Данилович выписал... Не будь Терёха таким ловким да опытным воином — лежал бы вот под этим кустом, стрелой пробитый... “Так это что же получается, Кириша-то Данилович... Неужто ж он, первый на заставе человек после воеводы — вражий лазутчик?..” Семён понимал — скажи он такое воеводе, ни за что тот не поверит, скорее — его же, Семёна, в темницу да на пытку бросит, тому же Кирише да палачу Савелию в оборот отдаст...

Семён подобрал кафтан, брошенный Терентием, вернулся к убитому, обломил стрелу, так что остался в теле лишь наконечник, затоптал следы свои и Терехины на мокрой прибрежной земле и заторопился к селу, так и не решив, что делать, как вести себя с Киришей Даниловичем. В измене его Семён почти уже не сомневался, но и понимал, что доказать вину его не сможет.

Кафтан и стрелу припрятал под нижним полусгнившим венцом старой ничейной бани.

Он, опаздывая, впервые за годы службы, входил через ворота на заставу, когда выехали оттуда трое пограничников.

— Куда, с утра-то пораньше? — спросил будто бы небрежно Семён.

— Да Ивана этого искать, — откликнулся служивый не из Семёновой сотни. — Воевода сам приказал... Вроде и не война, а каждый день убивают, а? — недоуменно сказал он, пожал плечами, поправил шапку и ткнул каблуками коня, нагоняя уехавших вперёд по дороге товарищей.

6

Войдя на постоялый двор, Терентий огляделся. В общей избе за столами сидели люди, ничем особенным не выделявшиеся: за одним из столов явно какая-то артель — богомазов или плотников; далее — купец со своим помощником, бойким и, наверное, обманывающим хозяина мужичком; и у окна, отдельно ото всех служивый — при сабле, и ручница за поясом...

Терентий больше тут не задерживался, кивнул хозяину двора и вышел на крыльцо.

— Доброго здоровьица, — не подобоострастно, а уважительно сказал хозяин — крепкий уверенный в себе мужик, выйдя на крыльцо вслед за Терентием.

— И ты здравствуй, Николай. Что там за служивый сидит — гонец какой-то?

— Гонец, да и срочный, ночевать не будет, сейчас коня поменяет и на заставу...

— Что за артельщики?..

— Богомазы, куда-то под Рязань правят в монастырь, заказ там у них.

— Купец?

— Да обычный купец, из Орды возвращается...

— Ну, пошли... — Они спустились с крыльца, свернули к конюшне.

Сразу вслед за ними вышел гонец:

— Эй, коня мне! — крикнул.

— Гришка! — в свою очередь шумнул хозяин постоянного двора Николай. — Веди!

Паренёк лет пятнадцати провёл мимо них оседланного, с притороченной к седлу сумой, жеребца.

— Ну, пошли, и я погляжу...

...Цепочка своих людей, готовых и своими наблюдениями поделиться, и коня продать, а то при необходимости и в долг дать, и накормить, и едой снабдить — звено к звену сложилась уже давно и даже переходила по наследству, тянулась же от Московских пределов через Литву в Дикое поле...

Вот за первое звено этой цепи сейчас и ухватился Терентий. С Николаем-то они давние знакомые, а дальше по цепочке Терентий ещё не бывал.

Вскоре и он выезжал за ворота постоянного двора на добром кауром коне, с притороченной к седлу сумой, в которой и фляга с водой (от вина Терёха отказался), и хлеб, и добрый кус сала, в холстинку завернутый.

Между тем солнце совсем ушло за кромку дальнего леса, стужались сумерки... Впрочем, дорога была достаточно широкая, наезженная телегами. И Терентий на своём, уже признавшем в нём хозяина, коне подвигался быстро. Дорога здесь шла не вглубь Литовской земли, а ещё пока вдоль границы. Но вот и развилка впереди — одна дорога дальше по границе, к заставам идёт, вторая — на Брянск.

Терентий вовремя придержал коня, увидев в лунном уже свете всадника, который остановился у придорожного колодца, наверное,пил воду, тронул коня и поехал к заставе.

“Догнать и грамотку, что везёт — изъять да прочитать”, — мелькнуло у Терентия в голове, да сам себя и осадил — нельзя сейчас было позволять себе ничего лишнего, отвлекающего от главного. Свою бы грамоту до места доставить... Он свернул на брянскую дорогу. И не знал он, что гонец брянского воеводы заметил его, видел, как свернул он к Брянску, запомнил на всякий случай ночного всадника... В грамоте, что вёз он на заставу, сообщалось, что в ближайшее время перейдет границу важный московский лазутчик, которого надобно задержать, а для того — немедленно усилить наблюдение за границей, за дорогами, постоянными дворами и кабаками...

7

К полудню нашли тело убитого Ивана. Семёну уже не показалось странным, что Кирша Данилович Емельянов лично выезжал на место убийства, всё там, как собака охотничья, вынюхивал...

Вечером сходил Семён на постоянный двор — узнал, что богомазы-артельщики ещё вчера утром съехали, а больше никого и не было постояльцев. Зашел и к Ирине-вдове, впрочем, пробираться пришлось задами, огородам, прячась за баней и амбаром.

Поднялся на крыльцо, толкнул дверь — она оказалась заперта, стукнул.

— Ну, кто ещё!.. — грубовато откликнулась на стук хозяйка.

— Открывай давай, — тоже не лишка церемонясь, велел Семён.

Баба открыла ему, отступила, пропуская в сени, далее мерцал в избе лучинный огонёк, пошёл на него... И только чутьё разведчика и отменная реакция рукопашного бойца спасли его — кулак лишь скользнул по голове. Потом сценились, упали, катались по полу, нанося удары друг другу. То один сверху был, то второй...

— Слушай, может, поговорим всё же? — прохрипел, наконец, стараясь даже показать некоторое веселье в голосе, Семён, находившийся в тот момент верхом на неизвестном ещё ему человеке.

— Давай! — согласился тот.

Семён поднялся. Встал и его супротивник. Постояли молча, в глаза глядя друг другу...

— Воды на крыльцо вынеси, —скомандовал Ирине казак.

— И кваску бы, — добавил Семён.

Ирина и поливала им из ковша. Умывшись, они попили квасу и тогда уж спокойно сели на крыльце, оглядели спокойно друг друга.

— Ну, рассказывай! — первым Семён начал.

— Чего рассказывать-то? Я тебя не звал...

— Ты, давай, мил человек — не начинай тут. Кто, откуда, зачем?.. — Семён посуровел. — Я сотник пограничной стражи, но пока я хочу сам, понимаешь это — сам, — он ткнул себя твердым как гвоздь пальцем в грудь, — для себя, знать, кто ты и зачем тут. А пытаться у нас на заставе умеют, коли что...

— Ты не пугай давай! Я — казачий есаул Левонтий Чуб. Из Москвы на Дон еду...

— Что-то не торопишься, гляжу. Третий день тут прохлаждаешься...

— Второй, вчера поутру приехал, — поправил Левонтий. — Моё дело, где сколько стоять. А заставой вашей да пытками не пугай. Есть у меня проездная... — Казак рывком поднялся, шагнул с крыльца в сени, вернулся с проездной бумагой в руке. Печать на бумаге была великокняжеская.

— Да ты, Левонтий, большой человек, извини, если что, — смутился Семён. Но тут же и взял себя в руки, спокойно объяснил: — Неладное на заставе и вокруг творится — гонцов наших убили, четверых уже. Тут любого чужака заподозришь.

— Слышал я всё. Вот и надо, думаю... Хотел вот тебя оглушить, да расспросить, что ты за человек — думал, выследили меня литовцы. Да ты ловок оказался...

— Мог бы и так спросить, — потирая скулу, ответил Семён. — Сдаётся, ты с какой-то грамотой послан, — начал, да сам и оборвал себя, поняв неуместность таких слов. Что тут же и подтвердил есаул:

— Умный человек, а такое говоришь. Понял, так и молчи, Семён, целее будешь. Я ведь и воеводе вашему не представился, хотя должен бы — смекай.

— А может, ты врешь мне всё, а?! — отхлебнув ещё кваса и утёршись рукавом, сказал Семён.

— Всё может быть... Да не вру я тебе. Везу я письмо Великого князя братьям казакам. Просит он союза нашего, ежели пойдёт на Москву Великий князь Литовский. Знаю, что кто-то с вашей заставы с таким же письмом к Крымскому хану уехал. Вот так. Чую — большая заваруха будет осенью. Крутая каша заваривается. А? Семён? — Казак усмехнулся, встал во весь свой немалый рост...

“Вот, значит, куда Терёху-то отправили”, — понял Семён. Вслух сказал:

— А и здоров же ты, Левонтий!

— Да и ты, брат, не слаб... И давай-ка уж дальше откровенно погута-рим, пошли в хату... Ирина — ну-ка, мечи на стол...

От хмельного Семён отказался...

— Вот ты сам зачем-то пошёл искать кого-то, ко мне вот пришёл... Чего ищешь, почему один, воеводе не докладываешь?.. Гонцов убили, знаю... Кто убил, ищешь?

— Кто убил, узнать надо... Но важнее узнать — кто приказал.

— Кого подозреваешь? Не воеводу же... Знаю я вашего Ивана Трофимовича — верный служака...

— Да. Не он. А вот первый советчик его, Кирша Данилович... Он ведь гонцов-то выпускал... Про него-то ты не знаешь? Больно, гляжу, ты человек осведомлённый. Все вы, казаки, такие? — усмехнулся Семён.

— Ну, все — не все, а у меня служба такая — много знать. Но про Киршу этого ничего не знаю. А глянуть бы надо в лицо его... Но ведь и гонца вашего он же отправлял. Но его не убили же, ушёл...

— В том-то и дело, что и его хотели. Да Терёху, брата моего крестного, не просто взять — сам упредил. Вот этой стрелкой, — Семён достал из-за сапога обломок стрелы, — убил того, которого послали его убить. Между прочим, слугою Кирши и был убитый-то...

— Да, похоже, что Кирша этот и есть предатель... Слушай-ка... — казак аж подскочил на скамье и так хлопнул ладонью-лопатой по столу, что

подпрыгнул горшок с кашей и деревянное блюдо с мясом. — Артельщики-то! Вчера ввечеру снялись... — Он замер на мгновение, будто задумался, силится вспомнить что-то, и опять сокрушённо головой покачал, — Они, точно!.. А ведь, не ровён час, догонят они брата твоего. Они гонцов-то положили, они...

— Да как догонят-то? Он же один, налегке...

— Если велено им — то догонят. И велел им, сдаётся мне, этот ваш Кирша. Ох, присматривай, Семён, за ним. А если что — иди к воеводе...

— Что ж делать-то, спасать надо Терёху... — И, махнув отчаянно рукой, Семён поднялся из-за стола: — Поеду вдогон, надо брата выручать...

— Ты не спеши-ка, Семён, — остановил его Левонтий. — Пропадёшь — тут у вас совсем суматоха подымется, и Кирша этот поймёт... Я догону Терентия, я ж нынче в ночь и собирался. Далек он ещё не ушёл, нагоню я его, упряжу... Только ты дай знак какой-нибудь, чтобы поверил он...

Семён не сразу решился, потом потянулся к шнурку на шею:

— Что ж, Левонтий, не ласково мы встретились, недолго знакомы, а ежели не против ты — поменяемся крестами, будем братьями. По нему тебя и Терентий узнает — его был крест-от... — Снял с себя кипарисовый крест и протянул Левонтию Чубу. И тот вытянул на шнурке шелковым крест оловянный...

8

Млечный путь светился по ночному небу из вечности в вечность...

Конь без понукания нёс Терентия по ночной дороге. К следующему звену в тайной цепи от Москвы до Крыма...

Левонтий Чуб оттолкнул прилипшую к нему посадскую бабу Ирину:

— Ну, не вой... Будет у меня и ещё путь через ваше село, привезу гостинец. — Вскочил на коня: — Не поминай лихом!

А уже к утру, вымокший в реке и в тумане, въезжал на постоялый двор, призвав хозяина, выспрашивал:

— Богомазы-артельщики были?

Хозяин кивнул.

— А... Терентий?..

— Какой ещё Терентий, много тут всяких...

— Брат мой крестовый, пограничник московский... Говори давай!

— Да...

— А богомазы-то что же, в ночь снялись?

Хозяин кивнул и пожал плечами:

— Вслед за Терентием и снялись, — вспомнил и сказал...

Гонец Брянского воеводы достиг первой заставы, передал грамоту и устный приказ об усилении охраны, о важном московском лазутчике. И устраивался на ночлег в отведенном покое. Но покой-то и не приходил. Всё помнил почему-то тот ночной всадник, повернувший на Брянск... Что-то в нём настораживало. И почему ночью?..

Четверо литовских разведчиков (те самые артельщики-богомазы), выехав со двора, не поехали по главной дороге, спрямили путь междуполем. Не выезжая на большую дорогу, остановили коня. Один из них накиннул на голову коню мешок, чтобы не ржал, и остался при нём и телеге, трое — приблизились к большаку, в кустах затаились...

Левонтий, не жалея, гнал коня вслед Терентию, ещё незнакомому крестному брату...

Туман сгущался, он становился осязаемо плотным, мокрым, тяжёлым, непроглядным. Умный конь сам замедлил шаг и теперь уже еле-еле ступал по дороге. Терентий, покачиваясь в седле, дремал... И вдруг вскинулся, оч-

нулся; не дело это — дремать на ходу. Привычно ощупал суму с грамотой под одеждой. И понял, что не просто так очнулся — насторожился и его конь, беспокойно всхрапывая, поводит головой... Терентий спешился, взял коня под уздцы и, осторожно ступая, пошёл сквозь туман с дороги; листва придорожных кустов окатила росой, ветви касались лица. Туман здесь был реже. Терентий увидел, что зашёл в мелколесье. Потрепал мокрую гриву коня. Обмял мокрую траву, кинул плащ, лег, накрылся кафтаном, надеясь согреться и вздремнуть... Тут и услышал быстрый перестук копыт на дороге. Затаился, пытаясь увидеть всадника сквозь туманную мглу...

Они ждали там, где дорога взбиралась на взлombok, свободный от тумана. Двое с одной стороны дороги, третий с другой. И тот, кто был у них старшим, услышав неторопливое шлёпанье копыт, поднял руку, давая знак... Он уже понял, что конь идет в тумане неторопко, седок же, скорее всего, дремлет. Все ближе, ближе... И вдруг ничего не стало. Не стало звуков. Тишина. Лёгкий шелест листвы; воздушные росчерки сорочьих крыльев; шорох тяжелой травы, раздвигаемой, наверное, ежом... Не было шлёпанья копыт. Старший сделал предостерегающий жест — не шуметь, ждать. Но куда же девался конник, наверняка московский гонец?..

И тишина вдруг наполнилась торопливым копытным перестуком в редющем тумане. Старший сразу понял, что это другой конь, и человек на нём другой. Но не успел дать команду — “пропускаем”. Точнее — успел, свел и развел руки перед грудью, но не увидел знака его подчиненный. Арбалет уже был туго взведён, и стрела, протыкая воздух и туман, устремилась в грудь седока. И уже и стрелок, и второй рядом с ним, и их начальник по другую сторону дороги точно видели, что не тот человек, совсем не тот...

Удар в грудь был столь силён и неожидан, что Левонтия откинуло назад, и он чуть не выпал из седла. Вероятно, нападавшим показалось, что он убит... Конь тоже застыл — привстал на дыбки, а потом резко скакнул в сторону... Привычка носить под верхней одеждой лёгкий панцирь опять спасла казака...

Вспышка выстрела, и арбалетчик падает замертво. Метнулся в сторону и выдал себя его напарник. И казачий конь уже несётся на него, и, кажется, уже пролетает мимо, и невидимая молния сабли рассекает голову литовского лазутчика...

А начальник их убегает от дороги, туда, где тревожно ждёт четвертый человек с конём и телегой. Торопливо едут они какой-то боковой тайной дорожкой в сторону Брянска...

— Ничего, возьмём... — зло говорит, обращаясь неизвестно к кому, один из лучших литовских разведчиков, начальник отряда, дворянский сын Егорка Качалов.

— А Кольша с Серёгой?.. — несмело спрашивает его подчинённый рядовой разведчик Никита...

— Пали в бою товарищи наши, а нам, Никита, ни раскисать, ни помирать нельзя — мы лазутчика в лицо знаем. А друзей твоих казак какой-то убил — знай, если что... — И, будто всматриваясь во что-то, помолчал и добавил: — Шрам у него на правой щеке.

Никита кивнул.

Слева розовело небо, светлел негустой лиственный лес...

Левонтий успокоил, похлопывая по шее, поглаживая по гриве, коня. И сам успокоился, огляделся...

Туман и в низине уже развеялся, видна в обе стороны до горизонта жёлтая дорога среди зелёных трав, перелесков, придорожных кустов. Впереди, по правую руку видна свечка церковной колокольни...

Левонтий Чуб далеко не смотрит, ближние кусты цепко проглядывает, да разве что сквозь листву увидишь...

— Терентий! — позвал казак. — Слышь, Терентий, я поклон от Семёна привёз...

Не сразу, но Терёха вышел, ведя коня под уздцы...

— Вот, узнаёшь? — достал из-под панциря Левонтий крест.

Ещё бы Терентию было свой крест не узнать.

— Что с Семёном? Ты кто есть?

— Семён, брат мой крестовый, жив-здоров и поклон тебе передаёт. Зовут меня Левонтий, по прозвищу я — Чуб, чином — вольный казак!

— Это ж, выходит, ты и мне брат?

— Выходит, что так... А давай-ка, брат Терентий, пока совсем-то не рассвело, уйдём отсюда. Да и подале...

Терентий тоже сел на коня. Невольно вздрогнул, когда проезжал мимо убитых...

— Тебя ведь ждали-то... — кивнул Левонтий.

— С чего бы это?.. — притворно удивился Терентий.

— И верно, с чего бы мирного москаля литовцам имать?.. — подыграл ему Чуб. И оба засмеялись и подтолкнули каблуками коней.

Розовый полукруг солнца всходил над лесом по леву руку от дороги, по которой шибко скакали всадники.

Так толком и не выспавшись, отказавшись от завтрака, гонец Брянского воеводы дворянин Григорий Поспелов выехал с заставы, вскоре достиг дороги на Брянск и, в надежде найти следы ночного всадника, поспешал, подгонял коня... В большом попутном селе он остановился на постоялом дворе, приказал принести обед, а хозяина спросил, не был ли тут под утро одинокий всадник...

— Нет. Вон только артельщики, утром уж и приехали, — кивнул на сидевших за соседним столом людей.

И Григорий вспомнил, что видел их и вчера вечером в приграничном селе. Сейчас, при ярком дневном свете, узнал одного из них...

Поговорив, утвердились, что московский лазутчик, миновав их засаду (и откуда тот казак взялся!), проехал на Брянск. Но раз здесь его не было, значит, скорее всего, движется не дорогой, скрывается...

— Я в Брянск, вокруг него надо все дороги и тропы перекрывать, а вы не спеша поспешайте, — сказал, поднимаясь из-за стола, Григорий Поспелов. — Езжайте да всё выспрашивайте, где-то должен он и в деревню заехать, либо в село... Искать надо!

У села, ещё издали обозначившегося колокольней, Терентий и Левонтий приостановились.

— А давай-ка напрямую...

И свернув с дороги, дугами и перелесками, минуя деревеньки и хутора, скакали два всадника. И лишь когда ярое светило достигло зенита, встали они на отдых у неширокой тихой речки, в тени берёз... Левонтий выводил коней, легко справляясь с обоими, лишь потом подвёл их к воде. Осмотрелся вдоль своего берега и, насколько смог, вглубь лесистого противоположного. По тихой воде плыла утица, а за ней, как бусины на нитке, утятата... И когда кони, чавкая копытами в прибрежной жиже, ступили в воду, утка свернула к тому берегу, утятата за ней и скрылись в осоке.

Терёха тем временем вздул небольшой и почти бездымный костерок, сбегал к воде с котелком, и вскоре вкусно запахло похлебкой.

— Что-то ты и не помолвившись? — спросил Терёха, увидев, как Левонтий, лишь перекрестившись, принялся за хлебово.

— Ты это брось! — строго сказал вдруг казак. — Крест положил — того с казака довольно. Люди мы православные, а к долгим молитвам не приучены. Потому как стрела быстро летит, пуля ещё быстрее. А татары наскочут — и молитву дочитать не успеешь... Так вот...

— А что вы за люди такие, казаки? Слышал о вас, а вот понять не могу... — залюбопытствовал Терёха.

— Люди мы вольные. Живём по слову Божию: как птицы небесные, не жнём, не пашем, а пищу имеем...

— Грабите? — напрямую Терентий спросил.

— За зипунами ходим — это да, — усмехнулся Левонтий Чуб. — Так и деды и прадеды наши жили... А с чего началось — поди узнай. Монахи летописи пишут, да мы их не читаем, да и не пишут про казаков-то там... Хотя, вот старики говорят, был такой у князя Владимира Красна Солнышка богатырь Илья Муромец, потом монахом стал, в Киевских печёрах, говорят, упокоен — вот он первым атаманом и был, а дружина его казаками и звалась, мол, наказ им был границу стеречь, потому и казаки... Ещё слышал, были такие люди — бродники, вроде как они потом казаками стали зваться. Говорят, что и от хазар, которые жидовскую веру не приняли, прозвище наше пошло... Всякое говорят... Знаю одно — кому воля дорога, кто за веру православную порадеть хочет, в ком силушка гуляет, может казаком стать. Приходи на Дон — живи по нашим законам...

— А законы-то какие?

— Все равны! Только на военный поход атамана выбираем. Умри, а другу в бою или беде помощи! Не кради. Будь воином!..

Так поговорили, похлёбку съели. В сон потянуло.

— Однако ж ты поспи, брат Терентий. А я пойду коней гляну. Да посторожу тебя. Потом ты меня. Спать надо, а то силы не будет...

Терёха не заставил себя уговаривать, лёг на примятой траве под берёзой — седло под голову, кафтаном укрылся. И тут же провалился в сон.

А Левонтий спустился в ближнюю ложбинку, где под прикрытием кустов оставил коней, поотпустил привязи, чтоб до свежей травы могли дотянуться, проверил копыта. Вернулся к Терентию, под берёзы, сел рядом с ним, безмятежно спавшим, внимательно огляделся. На другом лесистом берегу речки было тихо. Тихо было и на их просторном, с редкими перелесками берегу. Тихо шептался ветерок с листвой берёз. В синем небе, распластавшись крестом, плыл коршун...

9

Татары пришли, откуда их не ждали, видно, большой крюк, обходя крепость, делали. Запылала деревня в трёх верстах от заставы. Воевода Балашов знал, что это скорее всего обман. Большую силу туда не посылал — отряд в полсотни человек отправил. Зато заставу в полную боевую готовность привёл. Если и правда к деревеньке лишь выманивают — то основные силы татар скоро будут под крепостью. А вот велики ли эти силы — он пока не знал. Для того и выслал ближнюю разведку, чтобы незамеченными татары не вышли к крепости.

Замысел хана Золотой Орды (в то время её уже чаще называли Большой Ордой) Ахмета был в том, чтобы набегами небольших отрядов как можно больше ослабить русских: где получится — сжечь пограничные заставы, пусть потом восстанавливают; разорить деревни — угнать людей, скот, тем самым лишить те же заставы ближайших запасов продовольствия... Посеять ужас жестокими расправами, чтобы, когда он, хан Ахмет, с главной силой придёт сюда в известный час — боялись одного вида его воинов, чтобы тряслись от страха и бежали до самой Москвы, которую он тоже возьмёт и сожжёт. Заставит князя Ивана платить дань, как платили его предки. Уже два года, как отказался Иван давать дань — время достаточное, чтобы одуматься, а если не одумался, что ж... На глупую голову найдётся умная сабля! И сабля эта будет его — хана Большой Орды Ахмета!

В те дни запыхало всё юго-восточное пограничье Великого Московского княжества...

“Неужели это уже начало большой войны? — думал Великий князь Иван Васильевич, выслушивая вести с юго-восточных украин. — Но где же главное войско Ахмета? Нет-нет, главные силы еще в Орде. Это пока лишь

подготовка, проверка наших сил. А на свои-то он уже, знать, не сильно надеется, если литовцев на подмогу зовёт... Значит, сейчас стоять заставам, отбивать нападения и готовиться к главному наступлению. Ну, а нам здесь готовить главное войско к главной битве... Да хорошо бы заручиться поддержкой крымчаков, отвлекли бы они литовцев от нас. А мы бы им слово дали, что казаки не будут их тревожить... Хотя трудно с казаками слово держать. Вот с послем от старшин казачьих, Чубом этим, вроде бы договорились, и его-то слову верить можно, да послушает ли его слово, даже и слово своих старшин гулёвая донская вольница? Хотя ведь плату им за ненападение на крымчаков хорошую пообещали. А таких бы вояк — да на свою службу! Как они говорят — в седле рождены, с сабли вскормлены...”

Он стоял у окна в своём кремлёвском покое. Окно высоко, и видно только небо, высокое небо над Москвой. “Но откуда столько ворон? Надо дать указание, чтобы соколами их разгоняли, что ли...” Ворон он не любил с той поры, когда с отцом после захвата власти Шемякой сидели в Вологде. Сколько же там было ворон! Или это только так казалось, просто стали они там живым подтверждением постигшей их беды? Он отошёл от окна. Присел на застеленную ковром лавку у стола...

“Ну, с казаками или без них — а по зубам Ахмету дать придётся. Настаёт время показать, что не пустая это была похвальба, когда отказались мы им дань платить... Войско проверено, надежно. Проверено борьбой с Новгородом и Литвой, а из стариков есть и те, что ещё отцу моему помогали Великий стол вернуть. Нет, не забыть мне тех дней борьбы! Сперва, казалось бы, полное поражение отца, ослепление его по приказу Шемяки, ссылка в Вологду... И дальше на молитву в монастыри...”

Ивану вспомнился тот остров-монастырь посреди белого ледяного пространства. И никаких ворон! Именно там, в дальнем, зацепившемся за крохотный островок монастыре застала Василия и его сына Ивана, верных их слуг — весть о том, что москвичи восстали против Шемяки, что есть на Руси силы, видящие лишь Василия великим князем, несмотря на вынужденное его отречение от Великого стола Московского... Была еще поездка в недалёкий от островного монастыря Кирилло-Белозерский монастырь, где утвердился Василий в своём праве на возвращение Великого княжения. И он, Иван, помнил те дни борьбы и испытаний. Они закалили его, научили верить в конечное торжество. Торжество правды!

В тот же день Иван Васильевич распорядился отправить богатые дары в дальний северный Спасо-Каменный монастырь, что стоит посреди мелководного, но, как известно, опасного своими бурями Кубенского озера. И просил настоятеля и братию молиться о нём грешном, и воинстве русском.

Отправив гонцов в Москву и на соседние заставы, воевода Иван Трофимович Балашов призвал к себе Киршу Даниловича — стали думать, как организовать оборону на случай нападения татар. Долго совещались, призывая десятских и сотников, выслушивая донесения дозорных и разведчиков.

Из отряда, посланного к горящей деревне, прискакал гонец, рассказал: преследовали татар, человек тридцать их было, те в бой не вступали, только стрелы метнули... И мигом рассеялись, растворились, исчезли. Зато загорелась деревня в пяти верстах от заставы... В это же время отряд татар напал на село в другой стороне от крепости... Всё подтверждало вывод о том, что татары пытаются распылить силы пограничников и уже затем ударить по крепости.

Осматривались и устанавливались в бойницы пищали и лёгкие пушки, подносились к стенам заряды, крепость готовилась к нападению.

А конная сотня под командованием Семёна Жилова вышла через северные ворота и, сделав большой крюк, вернулась к посаду с востока, укрылась в лесу по берегу реки... По приказу воеводы и его первого советчика Кирши Даниловича тут должны были ждать появления татар и в случае их нападения на крепость — ударить с тыла.

“Всё вроде бы и верно, — думал Семён, спешиваясь с коня, осматривая и так, конечно, знакомые давно поля и сенокосы, дома посадка. — Всё верно. Если только татары, действительно, не будут знать о засаде. А вот если будут знать, то, дождавшись, когда сотня вылетит из леса, встретят сперва стрелами, потом ударят всей силой встречь, и ведь отходить-то надо будет или на виду у них вдоль леса, или в лес, за которым река. А лес-то — одно название — полоска уже полёта стрелы”.

Воины спешивались, поправляли снаряжение, тихо переговаривались, укрывали под деревьями коней...

— Илья, поди-ка сюда, — окликнул Семён десятника — невысокого, но с косой саженой в плечах.

Призвал его к самому краю леса, за которым начинался сенокосный луг, а далее виднелись избы посада и стены крепости. Решился, выложил тому свои сомнения.

— Так откуда ж они могут знать-то? Татары-то?

— Ну, а если? — не унимался Семён. Илья в ответ промолчал, задумался, запустив пятерню в лохматую русую бороду.

— Сколько у нас людей с пороховым боем? — снова Семён спросил.

— Человек с двадцать будет вместе со мной.

— Вот и хорошо, бери их под своё начало. Располагайтесь тут. А я с остальными расположусь в-о-он там. — Он указал на еловый мысок, выдающийся в дуга и поля из дальнего леса. — Когда они к лесу приблизятся, встретите их залпом и по сторонам по берегу разъезжайтесь сразу. А дальше уж наше дело. Ударим, сомнём.

— Да, хорошо бы так-то. Ладно... А в крепости-то про твою думу знают ли?

— Не знают. Но мы, Ильюха, так сделаем. Потому что все можем лечь в случае измены...

— Да ты чего, Семён, заладил-то — измена, измена?..

— А гонцов-то случайно убили? — оборвал его Семён. И теперь уже командовал: — Всё. Давай собирай всех тут, кто с ручницами, а я остальных повёл... Смотри-ка, кажись, скоро здесь будут. — Оба увидели за дальним лесом клубы дыма, там, где тоже деревенька стояла, а по дороге к крепости скакал всадник из отряда, что еще вчера ушёл в погоню за татарами. И в это же время совсем с другой, восточной стороны вышел на взгорье татарский отряд в пятьсот сабель и сразу же, без задержки начал обтекать крепость и посад с двух сторон.

10

Теперь спал Левонтий Чуб, а Терентий бодрствовал, дважды спускался с кожаным ведром к реке, побоялся коней туда вести, напился и сам, сидел под берёзой, посматривал по сторонам... Жара стала спадать, солнце покатилось к закату, из широких лугов, может, из самого близкого уже Дикого поля потянуло прохладным вольным ветерком. А на другой стороне реки в кустах услышал Терёха какое-то шевеление, голоса. Смотрел туда настороженно...

Вышла вдруг на лужайку меж кустов, на самый берег — девка. Огляделась, шумнула назад, и тут же из кустов ещё выбежали, какие-то ветки или даже деревце вытащили и посреди поляны воткнули. И... стали косы свои расплетать, сарафаны скидывать. У Терёхи сердце замерло. В одних исподних рубахах остались... В хоровод встали вокруг воткнутого в землю деревца (это была берёзка) да пошли по кругу, затагнули: “Белая берёза стоя-а-ала, ой она во поле стоя-а-ала, ой люли-ли стоя-а-ала. А мы ту берё-о-озу залома-а-аем, а мы её кудряву залома-а-аем...” И стали, правда, со смехом обламывать ветки на деревце. Потом наплели из этих веток венков, в воду полезли, рубахи руками подбирая...

Терёха паялился, не в силах отвести глаза... Потревоженная утка выплыла из осоки. За ней, цепочкой, утята. С неба как чёрная молния ударила — ястреб пал и, подхватив утёнка, начал взлетать.

— Ой, смотрите, девки! Утёнка понёс! — вскрикнула видевшая это девушка.

И уже все завизжали, захватили сарафаны, когда стрела, выпущенная Терентием, сразила ястреба, и тот, выпустив из когтей живого утёнка, повалился куда-то за прибрежные кусты...

Девки визжали, оглядывались на берег, откуда вылетела стрела... Пронесулся от шума Левонтий. Недоуменно осмотрелся.

— Ты чего устроил тут? — недовольно Терёху спросил.

— Да вон, девки...

— По девкам заскучал?.. — Левонтий дождался, когда противоположный берег опустеет, и поднялся: — Собираемся, брат, и живо. Чует сердце недоброе...

...С правого плеча их опускалось на чёрные пики елей алое закатное солнце. Они всё правили на юг и в ту ночь стороной миновали Брянск. Сами не ведая того, миновали и засады, поставленные на них по дорогам вокруг Брянска.

Третью ночь скакали, отдыхая днём. Не искали многоезжих путей, сторонились не только сёл, но и хуторов. И всё же на глухой лесной дороге повстречались... А леса-то дремучие, тёмные, после просторных полей и лугов да редких перелесков — непривычно в них первое время и коням, и всадникам. Знаменитые брянские леса... Знамениты те леса разбойничками лихими... С ними-то и повстречались, как понял Терентий, не успевший саблю выхватить, как понял Левонтий, тоже до сабли не дотянувшийся. Так сразу сжали их, обхватили, стащили с коней, закрутили, навалились со всех сторон...

— Что ж вы, черти... — и получил кулаком в зубы Терёха. Рванулся, откинул одного, выхватил нож из-за голенища, но тут же и получил чем-то тяжким сзади по темечку, повалился, как сноп.

Левонтий успел несколькими юшку пустить, пока и его не достали кистенём по макушке.

Очнулся первым Левонтий Чуб, поначалу казалось — темь вокруг крошечная, но, проморгавшись, понял, что свет всё же проникает в тесную клетушку, куда бросили их. Терёха рядом лежал. Левонтий толкнул его, и тот застонал. Жив! В следующую секунду руку за пазуху сунул, туда, где приторочена была к телу грамота... Не было её там. Да и из одежды — одно исподнее осталось. Терёха тоже в исподнем лежал. Плохо это. Очень плохо — попали грамоты в руки разбойников... “А может, и не плохо, — подумал вдруг, — может, грамотки-то и спасут нас... А может, это и не разбойники?..” Но вспомнив их разношерстную одежду и вооружение, успокоил себя — разбойники. Хотя ничего доброго в этом не было.

— Терентий, Терёха, — потряс за плечо крестового брата.

— Да живой я, живой, башка болит...

— Эй, вы чего там? Очухались? — распахнулась тут дверь, и на пороге показалась коренастая широкая фигура. — Выходи по одному...

Они вышли, и тут же ещё двое к ним подскочили, стянули руки верёвками спереди. Левонтий и Терентий не сопротивлялись, да и сил ещё у них не было, чтобы сопротивляться-то, еле на ногах оба стояли...

Глянули друг на друга и испугались лиц, кровью залитых.

— Обмыться бы хоть, — сказал Терёха.

— Обмоем, когда отойдёте, — усмехнулся мужик, который выпустил их из темницы-избушки, похожей на амбар. На свету был этот мужик страшен: волосы рыжие из-под шапки копной лезут, борода даже не рыжая, а красная, во все стороны торчит, глаз один — не живой, полувыветкший, веком безресничным не прикрывается, и рубец синий кривой — через лоб. Правая рука у него плетью висит, зато левой Терёху за плечо ухватил и пальцы, будто кованые крючья, в плоть воткнулись.

— Давай, давай, туда вон, — краснобородый подтолкнул их в сторону стоявшей неподалёку избы.

Левонтий, пользуясь случаем, оглядывался — просторный двор, обнесён-

ный высоким забором из поставленных стоймя бревён с заострёнными макушками, ещё изба в стороне, баня, кажется...

— Иди-иди, не зыркай, от нас не убежишь, — снова подтолкнул его краснородый.

Вошли через тёмные сени в избу. На лавке за столом сидел совсем не разбойничего вида человек, чисто одетый, с опрятной бородой и ровно обрешанными волосами... На столе перед ним лежали грамоты. Невскрытые, что сразу же отметили и Левонтий и Терентий.

— Да что ж ты, Илья, гостям руки-то связал! — будто бы и вправду возмутился. — Развяжи не мешкая!

Краснородый и одноглазый Илья поспешно, будто только и ждал этой команды, очень ловко одной левой рукой ослабил веревки, и пленники освободили руки. Оба тут же на красный угол перекрестились.

— Постой-ка, Илья, за дверью, — скомандовал хозяин. — Проходите, господа хорошие, вот сюда садитесь, — указал на лавку вдоль стены напротив стола, за которым сам сидел.

— Если уж гости, так умыться бы нам, мил человек, — опять Терёха голос подал.

— Умоетесь, и баня будет. Но сперва поговорим. Да и познакомиться надо. Ну, кто же вы такие?

Оба молчали.

— Значит, вы и вправду грамоты Великого князя Московского везёте? Видите, я не вскрыл их. Я вам не враг и Великому князю не враг... Выпущу вас, но и у меня к вам просьба за это будет.

— Разбоем взяли и еще просьбы какие-то, — возмутился тут Левонтий.

— Ну, людшки мои и правда — хлебом-солью на ночной дороге не встречают... Что ж им было ждать, когда вы им головы снесёте? Спасибо скажите, что живы.

— Спасибо, спасибо тебе, мил человек, — Терёха сказал вроде бы серьёзно, но усмешка в голосе чувствуется. — Всё сделаем, что скажешь, только выпусти и грамоты пусти... Да кто хоть ты есть-то?..

— Дворянский сын Андрей Глебович Паничев. Братья мои давно ушли к Ивану Васильевичу в службу, а я — литовской власти не признаю, но и уходить далече от родимой отчины не желаю. Здесь жду Ивана Васильевича, и многие ждут. Чаем объединения Руси под рукой Великого князя Московского! Вот это бы и передать ему...

— Так ты, Андрей Глебович, напиши... так, мол, и так... А я вернусь — воеводе грамотку твою передам, а уж он и Ивану Васильевичу, ежели будет воля...

Андрей Паничев тут помолчал, побарабанил пальцами по столешне, сказал всё же:

— Не силён я в грамоте. С ошибками пишу. И писарей у меня нет. Да и вы-то, думается мне — не велики грамотеи. Так что, если сможете — на словах передайте. А теперь идите-ка в баньку, а уж после и за столом посидим... Илья, — крикнул, и сразу же появился рыжий сторож. — Отведи господ в баню, платье, и всё что взяли у них — верните.

Илья улыбнулся, показав в страшной улыбке чёрные корешки вместо зубов.

— Ну, пошли, пошли... Банька у нас добра. Баня парит, баня парит, баня всё поправит...

После бани пили пиво и квас, ели давно забытую, в печи приготовленную еду, упревшее в чугуне мясо, свежее выпеченный хлеб...

Андрей рассказал гонцам, как всё больше притесняют литовцы, а ещё больше поляки — русских на их же земле, как теснят православие, насаждая католицизм... Многие бояре и дворяне из Великого княжества Литовского на Москву бегут, хотя есть беглецы и в обратном направлении...

— А я убежать не захотел. В лес ушел с дворовыми. Православных не грабим, а Литве спуска не даём. Не-е-т, — тянул захмелевший Паничев, — мы не разбойники, мы засадный полк Великого князя Московского. Так и передайте ему! Только приказ даст — хоть на Брянск пойду, хоть на Вильну! На Варшаву! Я русский! Это моя земля!..

Провожатым дал им одноглазого Илью...

Лошадёнка у Ильи — на него похожая. Низкая, коренастая, вислобрюхая, но видать, что сильная. Не торопясь шлёпает растоптанными копытами по глухой лесной дороге.

Левонтий с Терёхой пытались над Ильёй и его лошадкой подшучивать (забылась уже обида на него), да он не отвечал, и подсмеиваться над ним вскоре надоело.

Илья ехал впереди и всё тянул песню...

*Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью, перед боярина.
Еще станет судья-боярин меня спрашивать:
“Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?”
“Я скажу тебе, боярин — праведный судья,
Всю-то правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ — тёмная ночь;
А второй мой товарищ — булатный нож;
А как третий-от товарищ — то мой добрый конь;
А четвёртый мой товарищ — то тугой лук;
Что рассыльщики мои — калены стрелы”.
И возговорил боярин — праведный судья:
“Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной”.*

— Ну и песни у тебя, — сказал Терёха.

— Какая жизнь — такие и песни, — спокойно ответил Илья.

А вечером у костра тот же Илья сказку сказывал. Вроде бы и не говорун, а скучать не дал... Вхрапывали невдалеке кони, потрескивали ветки в костре, таинственно и жутковато обнимала костровой остров лесная тьма... И завораживающе звучал глуховатый, плавный голос Ильи...

— В старые времена жил-был царь Фёдор, и был у него сын Иван Царевич. Вот вырос Иван Царевич из пелёнок, и оторвал его царь Фёдор от мамок-нянек, да отдал учителям для обучения всяким богатырским наукам. Выучился Иван Царевич всем наукам богатырским и стал у батюшки своего царя Фёдора проситься в иные государства погулять, людей посмотреть и себя показать. Царь Фёдор его отпустил, да отпуская наказывал, чтобы Иван Царевич всё, чему научен, показывал в иных государствах и тем бы прославил себя и его, царя Фёдора...

— У нас и царей-то нет, князья... Откуда ж цари-то на Руси? — сказал вдруг Левонтий и подтолкнул веткой уголёк в огонь...

— Откуда, откуда! — недовольно отозвался Илья. — Не я ж сказку сочиняю, я только сказываю... А царь, что ж, царь — звание нам известное. Говорят, что и Великий князь Иван Васильевич царем прозывается...

— Прозывается! Ты дальше-то сказывай! — не выдержал Терёха. — А ты, Левонтий, не лезь, не мешай...

— Да я и не мешаю, пусть врёт, — казак, видать, всё ещё таил обиду на Илью.

А Илья не обиделся, продолжил сказку:

— И пошёл Иван Царевич в конюшню выбирать себе доброго коня. На которого коня руку наложит — падёт на колени. Ходил-ходил по стойлам и не мог выбрать. Закручинился Иван Царевич, взял свой тугой лук и калёны стрелы и пошёл в чистое поле — грусть-тоску размыкать. Вот при-

шёл он в чистое поле и увидел на воздухе лебедя, натянул свой тугой лук и выстрелил своей любимой стрелой калёной, но не попал в лебедя, а стрела улетела из глаз долой. Весьма закручинился Иван Царевич, по всему полю любимую стрелу калёную искал. Ходил-ходил — пришёл к каменной горе. Вдруг слышит голос человеческий: “Пооди сюда, Иван Царевич!”

— Откуда гора-то каменная в поле? — опять Левонтий Чуб голос подал. Но Терентий сразу ткнул его недовольно в бок. А Илья на этот раз и не запнулся, дальше говорил. Он уже разговорился, сказка плавно лилась, каждое слово будто само выкатывалось из мохнатого его рта. И видно было, как самому-то ему нравится и сказка и то, что он рассказывает её новым людям...

— Удивился Иван Царевич. Стал искать да оглядываться, откуда же голос тот доносится. И увидел в горе окно с железною решёткою, а в том окне человека, который манил его к себе рукою. Подошёл к нему Иван Царевич, и человек сказал: “О чём ты, Иван Царевич, кручинишься?” “Как мне не кручиниться, — отвечал ему Иван Царевич, — потерял я свою любимую стрелу калёную и не знаю, где найти её. Да ещё есть кручина моя великая: не найду себе по силе доброго коня богатырского”. “Эта беда не велика, — сказал ему тот человек. — Я скажу тебе, где найти доброго коня, и отдам калёную стрелу, потому что она ко мне залетела. Но помоги же и ты мне!” “Всё отдам, что ты ни попросишь, — отвечал ему Иван Царевич, — ежели ты исполнишь обещанное”. “Я ничего от тебя не хочу, — сказал тот человек, — только выпусти меня отсюда”. “Да кто ты, как и кем засажен сюда?” — Иван Царевич спрашивает. “Я был славный удалец и зовут меня Булат Молодец. Засадил меня твой батюшка, по наущению слуги неверного, лживого. Царь же на меня прогневался и велел меня поймать и засадить в темницу каменную. И сижу я тут ровно тридцать три года”. “Я тебя выпущу, — Иван Царевич говорит, — только ты отдай мне мою стрелу калёную и скажи, где достать мне коня богатырского”. “Пооди ты в чистое поле, — говорит ему Булат Молодец, — увидишь три дуба, а возле них камень железный с кольцом медным, а под тем камнем пещера. В ней стоит добрый конь богатырский, запертый двенадцатью дверьми и двенадцатью замками стальными. Ты подними тот камень железный и отбей двенадцать замков, отвори двенадцать дверей и возьми себе коня доброго, богатырского. После на том коне приезжай ко мне, я отдам тебе твою стрелу калёную, и тогда ты меня отсюда выпусти”. Иван Царевич, выслушав такие слова, пошёл в чистое поле и увидел три дуба зелёные. Нашёл камень железный с кольцом медным, и взялся он за то кольцо и поднял камень. Сбил двенадцать замков, отворил двенадцать дверей и увидел коня доброго и всю сбрую богатырскую. Положил Иван Царевич свою руку коню на спину, и конь тот на колени не пал. Оседлал Иван Царевич доброго коня, взял палицу боевую и меч-кладенец. Сел в седло черкесское и взял в руки шелковы поводья. Захотелось ему испытать коня доброго: он ударил его по крутым бокам. Конь осердился, от земли отделился и понес Ивана Царевича выше лесу стоячего, ниже облака ходячего; горы и доли меж ног пускает, мелкие реки хвостом устилает, глубокие реки перепрыгивает...

— Эх, вот бы такого коня! — не выдержал Терёха. — В два бы дня туда и обратно слетал!

— Ничего, у нас и свои неплохие. До Ильяхиной-то лошадки, конечно, далеко им, ну уж тут чего поделаешь... — опять усмехнулся казак.

Тут и Илья не выдержал, за лошадь вступился:

— Хоть стара и не ражна, а по лесу-то легче ваших идет! А понятлива — так и поболее некоторых людей. — На Левонтия многозначительно глянул. А тот, как ни в чём не бывало, просит:

— Ты сказывай сказку-то, Илья, больно уж интересно!

И Илья продолжил:

— Вот приехал Иван Царевич к Булату Молодцу и сказал ему громким голосом: “Отдай же мне, Булат Молодец, мою калёную стрелу, и тогда я тебя, доброго молодца, из темницы выпущу”. Булат Молодец тотчас отдал ему калёную стрелу, а Иван Царевич его из темницы выпустил. “Спасибо тебе, Иван Царевич, — говорит Булат Молодец, — что ты меня из темницы вы-

пустил, и за это я тебе сослужу еще три службы в те поры, когда тебе будет нужда. Когда я тебе буду надобен, то молви только: “Ах, где мой Булат Молодец?” — и тогда я к тебе явлюсь и в твоей нужде буду тебе слугою”. Вымолвил эти слова и крикнул: “Сивка Бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!”

И тут с той стороны, где была привязана лошадка Илья, послышалось ржание...

— Сейчас прилетит Сивка твоя! — засмеялся Левонтий. Не выдержал тут и Терёха. Да заухал вдруг и сам Илья — смеялся так.

Но Илья первым и остановился, руку вверх поднял:

— Тихо! — чутко в лесную темь вслушался. — Пойду лошадку гляну, — поднялся и пошёл. И Левонтий пошёл в другую сторону — коней проверить.

Удостоверившись, что всё спокойно, снова у костра собрались.

— Давай, Илья, дальше!

— Вот стал перед Булатом Молодцем добрый конь — Сивка Бурка, — продолжил Илья, — Булат Молодец влез ему в правое ухо, в левое вылез — и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке рассказать. Сел Булат Молодец на своего коня и сказал Ивану Царевичу: “Ну, теперь прощай, Иван Царевич, — махнул плёткой шелковой — и не стало ни его, ни Сивки Бурки”. Иван Царевич сел на своего коня и поехал к своему батюшке. Со слезами прощались они, и велел царь Фёдор ехать с Иваном Царевичем слуге своему. Ехали они несколько времени и приехали в лес. День был жаркий, и Ивану Царевичу захотелось пить. Стали они колодезь искать. Долго ли, коротко ли — нашли глубокий колодезь. Иван Царевич и говорит слуге: “Полезай в колодезь и достань воды. А чтобы ты не утонул — обвяжись веревкой, и я буду тебя держать”. “Нет, Иван Царевич, — отвечает ему слуга, — я тяжелее тебя, поэтому ты меня не удержишь, а лучше спускайся ты, а я тебя буду держать”. Иван Царевич послушался слуги и опустился в колодезь, набрал флягу воды и сказал слуге, чтобы он его вытащил. А слуга ему отвечает: “Нет, теперь я тебя до тех пор не вытащу, покуда не дашь ты мне своей руки письмо, чтобы ты был моим слугою, а я твоим господином, и чтобы называл ты меня Иваном Царевичем. А ежели ты на это не согласишься, так и оставайся в колодезе”. “Не оставляй ты меня, а вытащи, — вскричал Иван Царевич, — дам я тебе письмо своей руки, чтобы ты был моим господином а я твоим слугою”. “Я этому не верю, — сказал ему слуга. — Дай присягу”. И присягнул Иван Царевич, что даст слуге такое письмо. Тогда неверный слуга вытащил его, а Иван Царевич взял бумагу и написал письмо и отдал слуге. Потом снял с себя своё платье и тоже отдал ему, а его платье на себя надел, и поехали они дальше. Через несколько дней приехали они в Пантуево государство. Царь Пантуй принял слугу за Ивана Царевича, водил его в палаты белокаменные и сажал за столы дубовые.

— Что это за имя такое у царя? — опять Левонтий спросил.

— Пантуй! — недовольно Илья откликнулся, но и сам, кажется, о странности имени задумался. — Ну, так мне сказывали, так и я... Ну, слушаете, что ли?..

— Слушаем, слушаем!

— Вот и начал царь Пантуй спрашивать у подложного царя: “Зачем ты в моё государство пожаловал?” На это подставной Иван Царевич отвечал ему: “Я приехал к тебе, царь Пантуй, свататься к дочери твоей, прекрасной царевне Церии, слава о красе которой по всему свету идёт”. “С великою радостью отдам дочь мою тебе в супружницы”, — молвил царь Пантуй. Ложный же Иван Царевич сказал Пантую: “Прикажи моего слугу отдать в кухню на чёрную работу за то, что он мне дорогою много досадил”. Царь Пантуй тотчас же велел истинного Ивана Царевича определить в кухню на чёрную работу, а мнимого Ивана Царевича определил в покои белокаменные. Тем же вечером подступило вражье войско под Пантуево государство и хотело его разорить, а царя Пантуя взять в плен. Тогда царь Пантуй призвал к себе ложного Ивана Царевича и сказал ему: “Любезный мой нареченный зять! Подступило к стенам столицы моей неприятельское войско, ежели ты прогонишь его от столицы и из государства моего, я отдам за тебя дочь мою, а без

того — не могу отдать”. “Хорошо, — отвечал хитрый слуга. — Но то сделаю только ночью, а не днём, потому что мне днём воевать счастья нет”.

Наступила ночь. Ложный царевич вышел на широкий двор, кликнул настоящего Ивана Царевича и сказал ему сокрушённо: “Иван Царевич! Не прогневайся на меня, что я заступил твоё место, позабудь всё и сослужи мне: отгони отсюда прочь войско неприятеля, я же за то велю, чтобы освободили тебя от чёрной работы”. “Не сокрушайся, а ложись спать! — отвечал ему Иван Царевич. — Всё будет готово”. Слуга ушел и лёг спать. А Иван Царевич крикнул богатырским голосом: “Ах, где ты Булат Молодец!” В ту же минуту Булат Молодец к нему явился. “Какая нужда, сказывай, Иван Царевич!” Тот рассказал ему о своей нужде. Булат Молодец велел ему оседлать своего коня и надеть на себя латы, а сам крикнул громким голосом: “Сивка Бурка, веший каурка, стань передо мной, как лист перед травой!” Конь летит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал к Булату Молодцу и остановился. Булат Молодец сел на него, а Иван Царевич сел на своего коня. И поехали они с широкого двора. В то время царевна Церия не спала, а сидела под окном в своих покоях и слышала она всё, что Иван Царевич со слугою и с Булатом Молодцом говорил. Выехали они к неприятельскому войску, и Булат Молодец сказал Ивану Царевичу: ты начинай рубить войско с правого крыла, а я с левого. И напали они на ту рать-силу неприятельскую; начали рубить мечами и топтать конями. Побили они в один час сто тысяч человек неприятеля. Король насилу ушёл с малым числом войска. Иван Царевич возвратился с Булатом Молодцом прямо во дворец царя Пантуя. Там Иван Царевич расседлал своего коня и поставил в стойло, и дал ему белой яркой пшеницы, потом простился с Булатом Молодцом и пошёл в кухню, лёг спать. Поутру рано царь Пантуй вышел на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско и увидел, что оно было побито; приказал он призвать к себе ложного Ивана Царевича, и когда он к нему пришел, то царь Пантуй благодарил его и сказал: “Скоро отдам дочь мою за тебя”. Да не случилось. И ещё дважды пришлось Ивану Царевичу вызывать на помощь Булата Молодца и отбивать врагов от царства Пантуева. “Ну, любезный зять, теперь отдаю тебе в супружницы дочь свою”, — Пантуй ложному Ивану Царевичу сказал. И вот повезли молодых к венцу. Иван Царевич же отпросился у повара посмотреть на молодых, пришёл к церкви и стал за другими людьми. Царевна Церия всё высматривала настоящего Ивана Царевича и, узнав его в толпе, выскочила из кареты. Взяв его за руку, сказала, поворотясь к отцу, который тут же в карете ехал: “Вот этот мой жених, а не тот, который был в карете со мною”. Тогда и Царь Пантуй вышел из своей кареты и просил свою дочь, чтобы она рассказала ему всё подробно. Когда царевна Церия рассказала ему обо всём подробно, царь Пантуй и благословил молодых. А лживого слугу изгнали ни с чем. Вскоре же Иван Царевич с прекрасной царевной Церией отправился в своё государство, к отцу своему, где царь Фёдор возложил на его главу венец свой. И Иван Царевич взошёл на престол и начал управлять государством...

Левонтий уже похрапывал лежа, Терентий ещё сидел, но тоже носом клевал... Илья его уложил. Костёр со всех сторон подоткнул, да там лишь одна головешка ещё и шаяла... Лошадей проверил. Сидел один уже у гаснущего костерка, похожий со стороны на огромного филина, слушал ночь...

Два дня и две ночи сопровождал он путников в брянских лесах. На третий день вышли к краю большого леса. Начинаясь ещё перемежаемая изредка лесами степь.

— Здесь и расстанемся, — сказал Илья. — Дальше уж вы, братья, сами. С Богом!

II

“Вот сейчас они развернутся и понесутся с гиком, пуская стрелы в сторону леса... Нет, они будут ждать, когда мы из леса выйдем, вот тогда они развернутся. С той стороны уже по стенам стрелы пускают... Посад подпалили...”

Семён едва сдерживался сам и сдерживал своих воев. Горел посад, горел и его дом. И ничего с этим поделать было невозможно, с этим смирились заранее, как с неизбежным злом. Баб, детей, стариков, скот, скарб спрятали в крепости, в церкви, в церковном подвале, в погребках... Но не все бабы и старики спрятались, которые могут помогать воям — все у стен, готовы подавать камни и брёвна, если татары на стену полезут (это вряд ли), готовы подхватить раненого, обмыть и перевязать рану. А из стариков, что покрепче, и на стенах кое-кто. Старик Третьяк себе ведь пицаль вытребовал — знатный стрелок...

И вот из огня посадка выскочила татарская конница — сотни две, пожалуй, но побоялись на стены идти, предполагая русскую силу за спиной, развернулись и пустили коней в сторону прибрежного леса...

“Только дождитесь, подпустите...” — кажется, уже вслух думал Семён. И те пятнадцать человек, вооружённых ручницами, ждали, ждали и лучники, лучшие, оставленные там. А татары, видно, окончательно уверились в том, что их обманули по поводу спрятанного в прибрежном леске русского отряда. Ехали медленно, сгучились, да и что, правда, на лес нестись-то...

Тут и грянул залп — повалились сбитые тяжёлыми пулями седоки, забились в судорогах раненые кони — визг и крик поднялись. Но быстро восстановили порядок, рассыпались, выпустили вперёд себя стрелы и понеслись частью на лес, частью обхватывая лесок с двух сторон.

Вот тут-то Семён и дал команду остальной сотне. Вскоре с этим — в двести сабель — отрядом татар было покончено.

Ульяна, как ни ругался дед, рядом с ним на стене встала. А он уже перестал ругаться. Не до того ему, смотрит... “Что делают, курвы! Ульянка, жгут ведь, нашу избу жгут! Где ж засадники-то наши?” (Как узнал старый Третьяк про обходной манёвр нашей сотни — кто знает?) А-а!.. Бьют их наши, секут!”

Потом стал дед выцеливать пронесившихся под стенами татарских лучников. Два первых выстрела мимо ушли...

— Третьяк, только порох зря переводишь! — крикнул кто-то из-под стены.

Ульяна даже испугалась — так исказилось от тех слов лицо деда. Он тяжело, медленно вёл ствол пицали в бойнице. Зашипел порох, громыхнул выстрел, откинуло деда отдачей так, что едва не упал. Завалился на бок, так и не успев выпустить стрелу, татарин. С головы его слетела круглая, мехом отороченная шапка, и лысая голова волочилась по земле, будто катилось по смятой траве ядро — лошадь влекла павшего всадника...

— Попал, дедушка, попал! — закричала Ульяна.

— Не верещи, дурёха, да не высовывайся! — прикрикнул на неё дед. Стрелы то и дело пролетали над самыми стенами или звонко втыкались в стены...

Пушечным и пицальным огнём со стен выбили ещё с полсотни татар. А у Улумбека и всего-то полтысячи было воинов, да ещё сотня по окрестным деревням металась — “красного петуха” пускала, водила за собой русский отряд.

Что ж, пора было отходить. Не сказать, чтобы сильно удачное было нападение на крепость, только посад и пожгли... И всё из-за того, что был разгромлен отряд, атаковавший посад. Но ведь этот лазутчик из крепости сказал, что весь отряд русских будет в лесу у реки. Этот лес должен был стать ловушкой для русских, но могилы для татар стало поле перед лесом...

— Где лазутчик? Ко мне его!

Измождённого, измученного человека поставили на колени перед Улумбеком.

...В это время у стен ещё продолжалась перестрелка. Отряд прикрытия, давая возможность отойти остальным, продолжал, вызывая на себя огонь русских, носиться под стенами, пуская стрелы с подожженной пенькой в надежде все-таки запалить какую-нибудь крышу в городе; или же пытаясь поразить стрелой зазевавшегося, потерявшего осторожность защитника крепости. И несколько убитых татарскими стрелами уже сняли со стены. Да и в Семёновой сотне человек двадцать пали во время сшибки...

“Он говорит по-татарски, говорит, что он наш. Что-то про грамоту от Великого Хана князю литовскому... Но он был здесь в плену у русских”, — думал Улumbек, глядя на человека в русской драной одежде, скуластого, но всё же явно не чистокровного татарина...

— Так кто, говоришь, отправил тебя?

— Его зовут Кирша Данилович, он правая рука местного воеводы. Это он меня послал...

— Он обманул тебя. Пусть твой пример станет ему уроком. — Улumbек махнул рукой и отвернулся. Смотрел, как удалыцы-джигиты носятся под стенами, как удерживают русский отряд в посаде.

Семён и его люди не очень-то и стремились из посады. Наоборот, они всячески стремились остановить пожар. Растаскивали заборы, рассыпали горящие амбары и бани...

За спиной Улumbека раздался вой, потом визг и снова страшный нечеловеческий вой. И лишь когда вой затих, не слышны стали стоны, он обернулся. Увидел висящего на ветке дерева привязанного головой вниз бывшего лазутчика. Кожа на щиколотках надрезана и спущена до бёдер, как голенище с распухшей ноги...

Татары ушли оставив за собой пожарища и трупы... И живые оплакивали и отпевали своих мертвецов. И тушили уцелевшие избы, бани, амбары...

12

Ещё двое суток скакали по теперь уже совсем голой степи. На берегу неширокой речки казак Левонтий Чуб сказал пограничнику Терентию Огневу: — Что ж, брат, мне туда, — махнул по течению речки, на восток, — а тебе, — указал за реку, на юг. — Скоро крымчаков встретишь. А и мы с тобой, Бог даст, встретимся. Брату нашему Семёну кланяйся по возвращении домой.

— Прощай и ты, брат! — просто ответил Терентий и тронул коня. Когда конь по брюхо уже вошел в воду, Терентий оглянулся. Левонтий стоял на берегу.

— Бог даст! — крикнул Терентий.

На третьей сутки уже одинокого пути Терёху захватил отряд крымских татар. Связанного (опять!), его привезли в какую-то юрту (рядом стояли ещё две юрты, паслись лошади, женских и детских голосов не было слышно — это был сторожевой пограничный отряд крымчаков).

Рядом с Терентием всё крутился мужичок, кажись, совсем русский. Станный и даже противный — в татарской шапке, армяке, в татарских же штанах-шароварах, в сапогах. Белобрысый, вертлявый, он с того момента, как привезли Терентия в отряд, не отходил от него. Толмач он был, переводчик.

— Как тебя звать-то?

— Скажи, я гонец Великого князя, зовут меня Терентий Огнев, я должен передать грамоту великому хану...

— Ты сильно-то не выеживайся, — по-свойски сказал толмач, — “должен передать” он. — И стал говорить татарину, сидевшему на ковре, скрестив ноги, в простом, но явно дорогом халате. Татарин ответил, кивнул.

— Мурза просит грамоту. Отдай. Её передадут хану. А ты здесь, как почётный гость, будешь дожидаться ответа хана князю Ивану...

— Нет... Откуда я знаю — передадут ли...

— Терентий, не геройствуй попусту. В том, что грамоту передадут хану — не сомневайся... — И вдруг подмигнул весело: — А пока ответа ждешь — погуляем!

— Да иди ты! — ругнулся на толмача Терентий, но полез за пазуху, отстегнул притороченную к телу грамоту, зашитую в непромокаемый мешок. — На, передай! — сунул ему. — Тебя-то как зовут? — спросил.

— Тимоха, — ответил толмач. Он взял грамоту и с поклоном передал её мурзе.

Тот кинжалом взрезал просаленный кожаный футляр, достал сам свиток, убедился, что печать на нём великокняжеская. Кивнул Терентию и, уже не глядя на него, махнул рукой...

Тимоха скомандовал:

— Кланяйся! — и сам опять поклонился.

Вышли из юрты, и два воина — то ли охранники, то ли надсмотрщики, пошагали рядом с ними. Тимоха о чём-то спросил крупного с редкой бородкой татарина, и тот ответил, и в ответе чувствовалось уважение и приветливость. Это Терентию понравилось.

— Будешь в отдельной юрте жить. Кормить, поить будут как почётного гостя. Что захочешь — проси...

— Мёда хмельного! — в шутку, но и с тайной надеждой спросил Терентий.

— Нет, этого не будет, — твёрдо сказал Тимоха. — Пришли, здесь будешь жить. Всё время будут у входа стоять, если что, — кивнул он на татар. — Да и мне велено с тобой быть...

Волей-неволей за эти дни Терентий познакомился с Тимофеем, который поначалу ему очень не понравился...

— Рязанский я, ага... Парнишкой был, только-только отца да мать начал понимать, когда татары наехали... Вроде и братья, и сёстры были... Огонь помню, ржание коней, крики людские...

И выходила его история очень похожей на историю Терёхи, только тому повезло — не попал к татарам, пограничный отряд отбил. А вот Тимофей так с детства в полоне и жил.

Стал он давно уже вольным, казалось бы, равноправным...

— Ты что же, бусурманство принял? — спроси его Терёха, и Тимофей молча кивнул.

И Терентий, на себя прикинув его судьбу — не судил. Как знать, что случилось бы с ним, попади он к татарам в детстве? Но думалось: “А лучше бы тогда и не помнить, что русский, быть бы татаринном — и всё!”

Нет, не бежать захотел Терентий, но глотка воли захотелось... У выхода, завешенного ковром и лошадиной шкурой снаружи, всегда караульщик стоит... Да и по всему лагерю караульщик похаживает, только что как на Руси в колотушку не постукивает, и дальше в степи, где пасется табун и у отары — свои сторожа...

И всё же Терёха ушёл. Не зря же он разведчик...

И лежал он в горько пахнущей ковыль-траве, глядел в утыканное яркими звездами небо... Вон ковш, вон Стожар, вокруг которого мир вертится, кажет эта самая яркая звезда путь на север, домой... “Где ты, дом мой родной? Где родные мои?” Вспомнился крестовый брат Семён, Ульянка... Все друзья-товарищи — воины пограничные. “А велика Русь... Вона куда занесло, а и здесь русским духом пахнет...” Будто и правда еловый запах родины нанесло, но это опажнуло дымом костра, что алел вдалеке — сторожат там татары-караульщики своих коней. Сколько через этих крымских татар русских жизней загублено, скольких в рабство угнали, продали, как скот, на крымских рынках. И вот — в союзниках они у Великого князя, а он, Терёха, тайный посол получается... Да что-то посла-то и не пустили даже в Крым-то. “Ну и ладно, лишь бы уж скорее решилось всё... Надоели татары, и Тимоха этот надоел. Ах, звёзды-то какие! Будто вымытые сияют...”

Он и вернулся так же незаметно для сторожей. Долго ворочался на мягком ковре. Приснилась Ульяна...

13

Воевода Иван Трофимович Балашов наблюдал за ходом боя и обороной крепости с колокольни храма. Крепость на речном взлобке, а церковь с колокольней уж на самой макушке, так что окрестности на многие вёрсты видны...

Появление татар близ крепости неожиданностью не стало, дозорные заранее сообщили о приближении их главных сил. Так что все были готовы, пищали и обе пушки зарядили, лучники на своих местах стояли, камни и брёвна подняли на стены.

Да и не верил воевода, что полезут татары на стену — не та сила у них. Главное, сразу острастку дать. А вот посад — скорее всего не спасти, спалят...

Всё, как думали, и получалось, и главный удар татар на посад и через него на крепость предугадали.

“Но почему в тыл татарам не бьет засадная сотня из приречного леса?” — забеспокоился Балашов.

— Кирша Данилович, да что там они — уснули?

Тот понял сразу, о чем воевода спрашивает, тоже туда глядел, ждал, когда же выскочит сотня из леса на свой же разгром.

— Ну, Семён... Повешу! — Глаза воеводы кровью налились, а пальцы до белизны впились в перила колокольни... Все знали о таких приступах ярости воеводы и в таких случаях старались держаться от него подальше.

Но Кирша воеводу не боится, он, пожалуй, единственный, кто и в такие мгновения знает, что сказать ему, что сделать, а главное, как извлечь пользу для себя из воеводской ярости.

Но сейчас и он переживает. “Где же Семён с сотней? Что татары делать будут?”

И когда татары сами повернули на лес, оба в недоумении оказались.

— Сейчас бы из крепости по ним ударить! — махнул кулаком, будто ударил кого-то, Иван Трофимович. Но и сам видел, что сил для вылазки из крепости недостаточно. Татары как раз начали волнами конных лучников налетать на стены, осыпать их стрелами. Со стен ответили стрельбой из луков и пищалей. Заклубился едкий пороховой дым... Треск пищальных выстрелов, крики, визги и стоны слились в единый боевой шум, столь знакомый старому воеводе, от которого и сейчас яростно забилось сердце, а рука потянулась к сабле. Но он уже давно научился сдерживать себя. Зорко осматривал стены, действия своих воинов и татар.

Тем временем татарский отряд как-то неспешно и неуверенно приблизился к приречному лесу...

...Кирша Данилович уже понимал, что это какая-то ловушка для татар. И невольным создателем этой ловушки стал он. И теперь встреча с татарами не сулит ему ничего доброго. А отправленный к ним пленный гонец великого Хана — погибнет страшной смертью, даже если ловушка для приближающегося к лесу татарского отряда не захлопнется.

...Но она захлопнулась почти мгновенно. Залп с лесной опушки опрокинул самых ближних к лесу татар, а не успели они оправиться — с другой стороны, из совсем другого леса, где и не должно было быть русских, под горку, стремительно и страшно-безмолвно понеслась сотня, во главе которой виден был Семён. Татары смяты, порублены, а сотня Семёна уже выбивает тех из них, что оставались в посадке, сумев сохранить даже часть посада от сожжения. Тут же русские воины принялись и тушить горящие дома...

— Ай да Семён! Как же он! А? Ведь это он как-то перехитрил их! Ведь сам все задумал и нам не сказал, а... Ты чего, Кирша Данилович?

Побледнел что-то Кирша Данилович, в лице переменялся...

— Я сейчас, Иван Трофимович, что-то мне... — и, не договорив, оттолкнул парнишку, стоявшего с ними на случай каких-либо срочных поручений, и вниз по узкой лестнице ринулся.

— Брюхо, что ль, схватило? — буркнул воевода и опять устремил взгляд за стену. Что-то там, где стоял шатер мурзы татарского, происходило, суета какая-то.

— Что там такое? Глянь-ка глазом-то молодым, Петруха, — попросил Иван Трофимович слугу, указав рукой. Тот взгляделся:

— Кажись, казнят кого-то... Повесили вниз головой, — задрожал голос юноша. — Вроде бы тот, что у нас был в подвале, лазутчик тот...

— Да откуда ему там быть... Да где же Кирша-то! — уже зло воевода крикнул. — Найди! — приказал.

...В это же время сотник Семён Жиллов через посадские ворота въехал в крепость, у церкви с коня спрыгнул. Хотелось жену и детей увидеть, убедиться, что невредимы... Но увидел Петрушку, слугу воеводского.

— Где воевода, Петруха?

Парень махнул рукой на верх колокольни и побежал к писарской избе, где и жил Кирша Данилович.

Ещё слышались отдельные выстрелы, ещё не развеялся дым, горит посад... Но татары уже уходят. Разделившись на два больших отряда, прикрывшись двумя десятками лучников, посылавших стрелу за стрелой в сторону крепости, они уходят лесными дорогами, растворяются, исчезают, оставив за собой пожарища и смерть...

Стуча каблуками сапог, плечами стучаясь о стены на узкой винтовой лестнице, Семён бежал к звоннице колокольни...

— Ну, Петруха, где Кирша? — услышав топот на лестнице, крикнул воевода, разумно предположив, что сам Кирша Данилович так бежать не может...

— Я это, Иван Трофимович! Семён Жиллов! — вылезая, на площадку звонницы, сказал Семён.

— А-а... Разбойник! Это ты что же устроил!.. — довольно пробасил воевода: — Ну-ка, говори, почему уговор нарушил, по-своему сделал?

— Измены я опасался, потому и по-своему сделал!

— Что? Какой измены? Говори!

Семен, насколько мог коротко и внятно, высказал своё мнение о Кирше Даниловиче...

— Та-ак... — наверняка ещё не поверив совсем, но задумавшись, протянул воевода. Застыл на мгновение. И вдруг рубанул рукой воздух: — Так он же сбежал! Вот тут со мной был, а увидев, как ты татар посёк — сбежал! Петруху я отправил за ним...

— Искать надо! — уже Семён крикнул.

— Возьми ещё людей. Сыскать мне его! — скомандовал воевода.

Семён сбежал вниз, брякая висящей на боку саблей по стенам, на последней ступени оскользнулся, упал... И тут запахнулась церковная воротина, и из-за неё высунулась родная мордашка сына Алёшки.

— Мама, тятя здесь! — крикнул мальчишка и бросился к отцу, сидевшему на ступени лестницы. Тут и жена Василина выбежала с дочкой, на шею бросилась...

Насилу оторвал от себя.

— Ну, всё-всё... Живы все — и слава Богу! Из церкви пока ни ногой! Постреливают ещё! — строго наказал и бросился на улицу.

Там увидел двоих из своего отряда — искали свои семьи, спасавшиеся в крепости.

— Гришка, Василей! За мной! Да скорее!

Побежали к писарской избе. Дверь оказалась закрытой изнутри.

— Давай через окно!

Насилу сорвали решетку и выбили оконницу... Первым худощавый Гришка залез, побежал засов с двери снимать... Открыл дверь — сам белый:

— Там этот, Петруха... — рукой в покои махнул.

Семён оттолкнул его, побежал в избу, за ним и Василий с Гришкой. Петруха лежал у лестницы, ведущей в подвал, откуда и подземный ход к реке был. Видно, здесь он застал Киршу Даниловича и его верного слугу страшного палача Савелия. Скорее всего, что Савелий и убил парнишку, кожаная удавка так и осталась на шее...

— Несите его во двор, — приказал Семён, и воины подняли на руки тело Петра. Семён спустился в подвал, о котором ходили страшные слухи на заставе. Сейчас, через узкие зарешеченные оконца под потолком, сюда даже проникал солнечный свет. Отдельная клетушка, с цепью и ножными кандалами на полу — для узников, остальное место занимал широкий стол с лавкой за ним, перекладина с цепью и воротом, даже какая-то печурка с под-

дувом и трубой. “Наверное, чтобы огнём пытать, — подумал Семён. — Да, не зря говорят, что Савелий любому язык развяжет...”

Нашёл Семён и дверь в подземный ход. Выложенный брёвнами коридор уходил куда-то вперёд и вниз — был непроглядно тёмн. Семён вслушался в эту темень и ничего уже не услышал... “Ушёл! К литовцам ушёл!”

С улицы, со стены крепости раздался пищальный выстрел. Это был последний выстрел.

Враг был отбит от крепости, отряд пограничников отправился в погоню, а жители посада возвращались в сохранившиеся дома, рыли землянки... Знахари лечили раненых. В церкви начали отпевать убитых...

14

Из мягких объятий, из сладкого грешного сна вырвал Терентия толмач Тимофей:

— Вставай, просыпайся!

— Да чтоб тебя! — откликнулся, наконец, Терёха и рывком поднялся на постели, страхивая улетающий в сказку сон...

— Поругайся-ка! — Тимофей его в плечо ткнул.

— Тебя не спросил! — вроде бы и в шутку оттолкнул его Терентий.

Привлеченный громкими голосами, заглянул охранник-татарин. Тимофей что-то сказал ему коротко, и скуластое, усатое лицо сразу убралось за входной полог.

— Праздник сегодня, — сказал Тимофей.

— Что за праздник? — заинтересовался Терентий, но тут же поправился: — Мне ваши бусурманские праздники — не праздники...

— Ну, пусть тебе и не праздник, — согласился толмач. — А бороться будешь? Со всей округи лучшие батыры съедутся на куряш...

— Какой еще куряш?

— Да это и есть борьба.

— А-а... Ну, побороться можно. А ты как понял, что я бороться-то умею?

— По хватке вижу, по походке...

— Да? — Терентий только сейчас заметил, что Тимофей, как и он, невысокий, но ладный, широкий в кости, и походка упругая и мягкая одновременно. — Тоже борешься?

— Балуюсь, — ответил Тимоха. — Если хочешь, покажу их любимые приемы.

— Хочу, — ответил Терентий.

Вскоре они были как раз на том месте, где ночью Терёха на звёзды глядел.

— ...Подсечки и подножки — можно. Руками за ноги не хватать. Вот такой знаешь приём? А такой?

Мокрые от росы и пота, довольные Терентий и Тимофей вернулись в лагерь, в который уже съезжались всадники, слышались громкие голоса, крики, горели костры — варился плов, очищалась площадка для куряша, осматривались лошади перед скачками, лучники подтягивали или ослабляли тетивы, пристреливали луки...

Загремели бубны, загудели какие-то дудки, похожие на русские сопелки. Почетные зрители рассаживались по местам под навесами.

Начались скачки. Терёха был неплохой наездник, и конь у него был хороший, да и отдохнувший, но тягаться в скачке с татарами — нет, это пустое дело. Вот в стрельбе из лука хотел было поучаствовать. Да и передумал. Решил не разбрасываться, к борьбе себя готовить.

А все уже знали, что урус будет бороться. Ждали. Посматривали на него, оценивали. Да, видно, что борец он крепкий, но что сможет сделать против батыров гораздо выше, тяжелее, сильнее себя?

Терентий тоже думал об этом. Потому, чтобы поменьше думать, да и размяться как следует, одним из первых на круг вышел. Было так — победитель (борьба до трёх падений одного из борцов) остаётся в круге и встре-

чает следующего борца, опять остаётся победитель и так — дальше и дальше...

Вот на круге невысокий подвижный татарчик — одного победил, второго. Терёха третьим вышел.

...Подряд он одолел шестерых. И каждый следующий, почему-то так получалось, тяжелее и сильнее предыдущего. Терентий уже просто устал, но уходить с круга, отказав желающему бороться с собой — нельзя. Седьмой оказался немолодым, бородатым, могучим и крепким, как дуб, воином. Он без всякой разведки, деловито схватил Терёху одной рукой за полу кафтана, другой за пояс, притянул к себе, резко развернулся и бросил через бедро. Терёха упал и сразу вскочил. Татарин не мудрил — то же самое стал делать — захватил рукав и пояс и потянул к себе. Но когда он повернулся спиной для броска, Терентий низко присел и остановил бросок, стремительно вышагнул правой ногой из-за соперника, закручивая его за рукав и пояс халата вперёд и вниз (а тот и сам ещё по инерции атаки продолжал движение вперёд), левую ногу выставил перед ним барьером, и татарин упал, но даже не выпустил хват, подскочил и снова попытался провести бросок, но на этот раз уже решил схитрить — начал атаку вперёд, подворот на бросок, а потом резко поменял направление, зацепил своей правой правую же ногу Терентия и резко развернулся на него. Терёха даже не упал, а сел на землю, чем и вызвал смех зрителей. “Ну-ну... Поймал меня, поймал, обманул... А вот давай-ка, догони-ка теперь...” Татарин идёт к нему, протягивает руки, а Терёха отскакивает назад, и опять ждёт, стоит твёрдо утвердив ноги в землю, руки выставив чутко — кажется, не двинется с места, но едва татарин приближается, Терёха снова отшагивает, уклоняется. Батыр уже звереет, теряет осторожность, просто бежит на Терентия. “Москва-матушка с носка бьёт!” Так говорил приезжавший на заставу гонец Великого князя. Он-то и научил Терёху “с носка бить” — то есть делать подсечку.... Вот и сейчас Терентий уловил то мгновение, когда правая нога соперника была уже вынесена вперёд, но еще не встала твёрдо на землю, высек её носком своей левой, ещё и за рукав успел прихватить, подёрнул. Татарин не просто упал, он сначала взлетел и только потом, придерживаемый Терентием, плашмя лёг на землю. И не сразу поднялся, но, перевернувшись лицом к земле, упёрся руками в землю, голову опустил, будто задумался, наконец, встал. Терёхе небольшая задержка послужила на пользу, он успел поотдышаться. И когда татарин снова поднялся и пошёл на него, но уже осторожно, скользя подошвами мягких сапог по траве... Вот тут, в этот момент, Терентий понял, что ничего он больше не сможет сделать. Победит его татарин.

И вдруг какая-то суматоха, движение в лагере. Конные воины въехали в лагерь, спешились. Вошли в центральный шатер, туда же по мановению руки мурзы устремился и Тимоха-толмач и вскоре бегом вернулся, на ухо что-то шепнул мурзе, и тот сразу, движением правой руки остановил схватку, ушёл в шатёр.

Зрители недовольно кричали что-то. Татарин, жаждавший продолжения поединка, яростно ходил из стороны в сторону, ожидая только знака одного из старейшин, чтобы продолжить борьбу. Но знака не было. И тут опять Тимоха-толмач прибежал:

— Пошли в шатер, давай...

...В шатре ждал Терентия гонец от самого великого Хана. Вручил грамоту ханскую, а ещё и подарок дорогой — кинжал в ножнах серебряных.

— Это тебе подарок, на колени становись, принимай, — Тимофей под-сказал.

Что ж делать, встал Терёха на колени перед ханским посланником, взял драгоценное оружие.

А уже вскоре, в сопровождении того же Тимохи и троих татарских воинов, уезжал он из лагеря. С версту, может, отъехали — крик позади услышали. Встали. Догнал их молоденький татарчонок — едва усы пробились, прыгнул с жеребца, к Терентию подбежал, на колени встал, поклонился и протянул чашу тёмного серебра, сказал что-то.

— Чего он? — Терёха толмача спросил.

— Подарок тебе от стариков, как великому батыру, за борьбу твою.

Спрыгнул Терентий с коня, принял чашу.
На закате солнца прощались. Татары увели коней поить. Терентий и Тимофей стояли на берегу степной речушки.

— Так и останешься с ними? — Терёха спросил.

— Да. А тебе счастливой дороги желаю. Лихом не поминай.

— И ты — не поминай.

Терентий пустил коня через реку и не оглядывался, не видел, как уезжали в степь татары и Тимофей. До темноты ещё успел немало проехать. Тянуло душу в родные края...

15

Семён вспомнил, что следы Терёхи, когда тот из крепости тайно ушёл, видел он у реки. Значит, к реке ход-то ведёт.

Лезть в тёмный, неизвестный ход (а вдруг там ловушка какая?) — смысла не было. Выбежал на улицу.

— За мной и по коням! — крикнул Григорию и Василию и бросился к своему коню. Не дожидаясь подчинённых своих, из крепости выметнулся, погнал коня... К реке и повдоль, к устью. Григорий и Василий подоспели, когда Семён уже занял позицию на берегу с луком на изготовку. Ждать долго не пришлось — появилась лодчонка. Савелий за вёслами, Кирша на корме — в берега чутко вглядывается.

Семён не стал таиться, крикнул:

— Правьте к берегу!

Уйти от трёх луков на неширокой речке было невозможно.

Савелий оглянулся, яростно рванулся к оружию, на дне лежавшему. Стрела, которую Василий выпустил, вошла между его треугольно выставившихся лопаток. Савелий ткнулся на дно лодки. Лёг и Кирша.

Семён даже не понял сперва, где Кирша. Был и нет.

— Да, где он?

— В лодке, на дне... — Григорий сказал.

— Эй, Кирша Данилович, правь к берегу! — Семён крикнул. — Слышишь?..

Ответа не было. А лодка тем временем, тихо колыхаясь на волнах, по двигалась к устью, к широкой Оке.

И стрелой Киршу не достанешь, лежит, да ещё и мёртвый Савелий накрыл его...

— Он же уйдёт так!

Если коня вдогон бросить — ничего не выйдет, слишком сильную волну перед собой погонит, и к лодке не приблизиться.

— Прикройте меня, братцы, — Василий сказал вдруг, быстро разоблачаясь...

Хотя пока всё снаряжение да одежду снимешь...

Лодка удалялась, и Семён в отчаянии стрелу выпустил, она туго воткнулась в борт лодки, качнув её.

— Не беспокойся, Семён Иванович, — увидев его волнение, сказал Василий. Он уже разделся догола (весь сметанно-белый, только лицо и кисти рук загорелые до черноты), вбежал в воду и быстро поплыл к лодке, резко взмахивая руками над водой.

Семён Жилов и Григорий стояли с луками наготове.

Вскоре Василий догнал лодку, ухватился за борт, заглянул внутрь, а потом, рискуя опрокинуть лодку, перевалился через борт.

Сел за весла, погреб, направляя отяжелелую лодку к берегу.

...Кирша Данилович, как уже догадались Семён и Григорий, был мёртв. Но никаких ран на его теле не было.

— Не иначе — от страха помер, — заключил Семён.

Они погрузили мёртвые тела на лошадей и направились к крепости.

Семён в тот день лично пограничный дозор возглавил. Он — да ещё четверо пограничников с ним. Проехали, как обычно, вдоль берега. Несколько раз останавливались, скрываемые прибрежными кустами, наблюдали за противоположным берегом. Тихо было. Близилась осень. Желтела листва, осыпались семена трав... Встретились с нарядом, охранявшим следующий участок границы, перекинулись словами и разъехались.

Ближе к полудню расположились в берёзовой рощице, что на взлобке над берегом — далеко всё видно, развели малодымный костерок.

— А чего бы и не жить-то тихо да мирно... Может, и не пойдут на нас ордынцы? — глядя на эту тишь да гладь, помечтал молоденький воин.

Остальные долго молчали. Потом Семён Жилов, тоже будто бы для себя сказал:

— Долго ещё Руси-матушке от ворогов отбиваться. Видно, уж так Бог судил...

— Глянь-ко, Семён, — окликнул его другой пограничник, указал рукой. — И не скрывается, — сказал о человеке, на лодчонке переплывавшем реку.

— Терёха, — выдохнул Семён, взглядевшись. — Жив брат!

...На Покрова и свадьбу сыграли. Семён сватом у Терентия был. Дед Третьяк, потому как отец Ульяны давно уж умер, за отца ей сидел на пиру свадебном.

— Эх, жаль, третий-то наш братец, Левонтий, не здесь... — вздыхает Терентий.

— Да ему сейчас не до нас, — откликается Семён.

Доходят до заставы слухи, что казаки донские уже беспокоят становья хана Ахмета, а татары крымские вторглись в земли княжества Литовского — из-за чего, говорят, и не решается Казимир на поход против Москвы...

А по дорогам от Москвы к южному пограничью двигались обозы с боевым припасом, везлись пушки, отлитые на пушкарном дворе, тянулись войска. Вдоль Оки и Угры собирались русские силы для решительной схватки, которую ждала Русь два с лишним века.